

Анатолий Берштейн

ПЕДАГОГИКА НА КОНЧИКАХ ПАЛЬЦЕВ

Введение в специальность

Школа для каждого – школа для всех

Анатолий Берштейн

**Педагогика на кончиках пальцев.
Введение в специальность**

«Образовательные проекты»

2023

УДК 37.013.28
ББК 74.00+74.200

Берштейн А. А.

Педагогика на кончиках пальцев. Введение в специальность /
А. А. Берштейн — «Образовательные проекты», 2023 — (Школа
для каждого – школа для всех)

ISBN 978-5-98368-180-4

«В воспитании всё зависит не от методов, а от личности педагога»,
«учитель воспитывает только собственной личностью» — кто из нас не
слышал подобных сентенций (на самом деле, далеко не бесспорных)?
Тот, кто их провозглашает, обычно тем победоносно и удовлетворяется
— мол, не о чем дальше и говорить. Но что означает для самого учителя
согласие с таким выводом? Автор этой книги преподавал историю в
школе, руководил подростковым клубом, возглавлял детскую театральную
студию, а потом много лет продолжал общаться со своими взрослеющими
учениками. Его необычайный учебник педагогической профессии создавался
несколько десятилетий. Контрапункт о «воспитательном значении
личности учителя» (традиционно сводимый к восклицательному знаку и
дальнейшим фигурам умолчания) Анатолий Берштейн разворачивает в
огромную картину сложных и драматических противоречий, увлекательных
впечатлений, воодушевляющих и удручающих событий. Четыре части такого
учебника педагогики — четыре книги разных лет написания. «Школьный
блюз. Автопортрет на фоне профессии» — собрание педагогических
зарисовок об учителе и его учениках, дневниковые записи «по горячим
следам». Вторая книга («Оставайтесь после уроков») рассказывает о
двадцатилетнем общении и дружбе с бывшими учениками. Третья книга
заостряет темы второй: что происходит, когда отношения с одним из бывших
учеников из разряда дружественных переходят в категорию родственных.
В четвёртой части автор подводит своего рода идейные итоги «введения в
специальность», формулирует наиболее очевидные, с его точки зрения, советы
и рекомендации. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 37.013.28
ББК 74.00+74.200

ISBN 978-5-98368-180-4

© Берштейн А. А., 2023
© Образовательные проекты, 2023

Содержание

Почему они остаются? Вместо предисловия	7
Книга первая. Школьный блюз. Автопортрет на фоне профессии	8
Предисловие	8
Монолог от имени поколения	10
Дебют	12
Дебют	13
Расчёска	13
«Теперь мы хулиганы»	14
Личные отношения	16
Музыка строя	17
Сколько съел?..	17
Двойки после «Грозы»	18
Довыступалась...	19
О русском языке	19
Охотник	19
Этикет	20
Недоразумение	20
Письмо	20
Нестандартно-типичные	22
Сеанс психоанализа	23
Последний разговор	25
Свидетель поневоле	26
«SOS»	27
Чирей	30
Некорректный вопрос	30
Судьба	31
Москва – Баку	32
Жиды	33
Пауза	33
По системе Станиславского	36
По системе Станиславского	37
Тест	39
Двуличие	39
Низенько-низенько	40
Мечта	40
Собака Робеспьера	40
Гений	42
Дурная привычка	42
Нужно ли лезть в душу?	44
Профессионалы и дилетанты	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анатолий Авраамович Берштейн

Педагогика на кончиках пальцев.

Введение в специальность

Воспитание, как наждачная бумага, стирает ржавчину, но не родимые пятна. При этом оставляет шрамы, как особую татуировку, по которой, при желании, можно определить — кто ты и какого рода-племени.

Воспитание — своеобразный обмен опытом радости от заботы друг о друге.

То, что подвластно воспитанию, то и составляет его прямое назначение.

© Анатолий Берштейн, 2023

© ООО «Образовательные проекты», 2023

© Владимир Петрушов, иллюстрации, 2023

Почему они остаются? Вместо предисловия

Учитель – счастливая профессия для несчастливых людей или наоборот?

Может ли учитель оставаться с детьми, ощущая самого себя несчастным? Не плодит ли несчастный человек несчастных детей? Счастье ребёнка, как краткосрочный результат, не является целью воспитания. Но несчастный человек – его брак.

Неудачник – слово-шлейф, сопровождающее учителя всю жизнь. И все сотрясения воздуха о почётной, благородной профессии – ложь и лицемерие.

Исключение – призвание. Когда учительская профессия – не образ или способ жизни, не плацдарм для наполеоновских планов, а просто любимая работа.

Почему учителя остаются в школе? Не только из-за любви к детям или безысходности. Но ещё – как горожане на даче – из-за чистого воздуха, относительного покоя и душевного равновесия.

* * *

Что происходит, когда кончики пальцев Владимира Горовица соприкасаются с клавишами? Происходит чудо. Описать его невозможно. Его можно только наблюдать. И услышать.

То же самое: как происходит общение подлинного педагога с воспитанником, описать невозможно. Это своеобразная магия. Это проявление таланта. Это дар во всей красе.

Нельзя долгое время обманывать ни ребёнка, ни самого себя, нельзя всю жизнь имитировать. Ибо органику нельзя подделать, механика бесстрастна и не высекает искру. Она не работает, потому что нет глубокой, природной искренности и привязанности. А без этого ничего не получится.

...Помню как-то, приехав в Оренбург уже в качестве журналиста, побывал в одной школе на уроке молодого учителя. Ничем особо не примечательный урок – ни содержанием, ни методикой. Но потому, как двигался, как жестикуюлировал, как улыбался, как общался этот парень с классом, и какой родственной взаимностью отвечали ему дети, было видно – это Учитель.

Книга первая. Школьный блюз. Автопортрет на фоне профессии

По-моему, школа просто необходимость, с которой приходится мириться. А любить её вряд ли кто любит, особенно если человек попробовал в жизни что-то другое.

Эрнест Хемингуэй. «Острова в океане»

*Вы не учитель... Вы сами ученик
Джон Апдайк. «Кентавр»*

Предисловие

Первые документальные педагогические зарисовки я набросал ещё в 1983 году. Тогда же в первый раз ушёл из школы. Вынужденно. Боль и обида вытолкнули наружу воспоминания: драматические ситуации, забавные истории, удачи и промахи. Возникли контуры десятилетнего опыта, иллюзия значимости. Казалось, не только выговорился, но и что-то переосмыслил, чему-то научился.

Потом с головой «нырнул» в педагогический омут ещё на шесть лет.

И снова ушёл. Теперь добровольно. Вероятно, навсегда.

Потом долго работал журналистом. Писал всё то же, но уже в газеты и журналы. Насмотрелся на школу и учителей со стороны. На лучших и на обыкновенных.

И вот захотелось обо всём, что видел, что сам делал, – высказаться (было мне тогда сорок три года).

Совсем завёлся, когда по телевидению увидел передачу, где учителя сами о своей профессии толковали. Особенно запомнился молодой мужчина из гимназии, в дымчатых очках, с бородкой. Всё о своей мессианской роли вещал. Минуты две всего говорил, а успел произнести «гуру», «наставник», «водитель», «крёстный отец», «Господь Бог» и несколько раз повторил «духовность».

Вот я и решил взять слово. Честно рассказать про себя, про профессию, как я её видел, вижу и понимаю.

Может быть, кому-то пригодится. Поможет лучше понять учительский труд. А заодно на себя посмотреть: кто ты такой есть. «Любитель детей», «вершитель судеб»? Бог или слуга? Соль земли или обыкновенный неудачник? Что ты можешь? Что умеешь?

Когда писал первые рассказы, казалось, боль изливал, на деле – гной выдавливал. Я, конечно, не хотел делать из себя отрицательного героя. Немного кокетничал, снисходительно повествуя о собственных промахах. (Ситуации были неординарные и говорили сами за себя и за действующих лиц.) Потом понял, что, не желая того, описал не просто свой опыт, а издержки и достоинства учительской профессии. И мне захотелось поразмышлять о ней в целом и по частям.

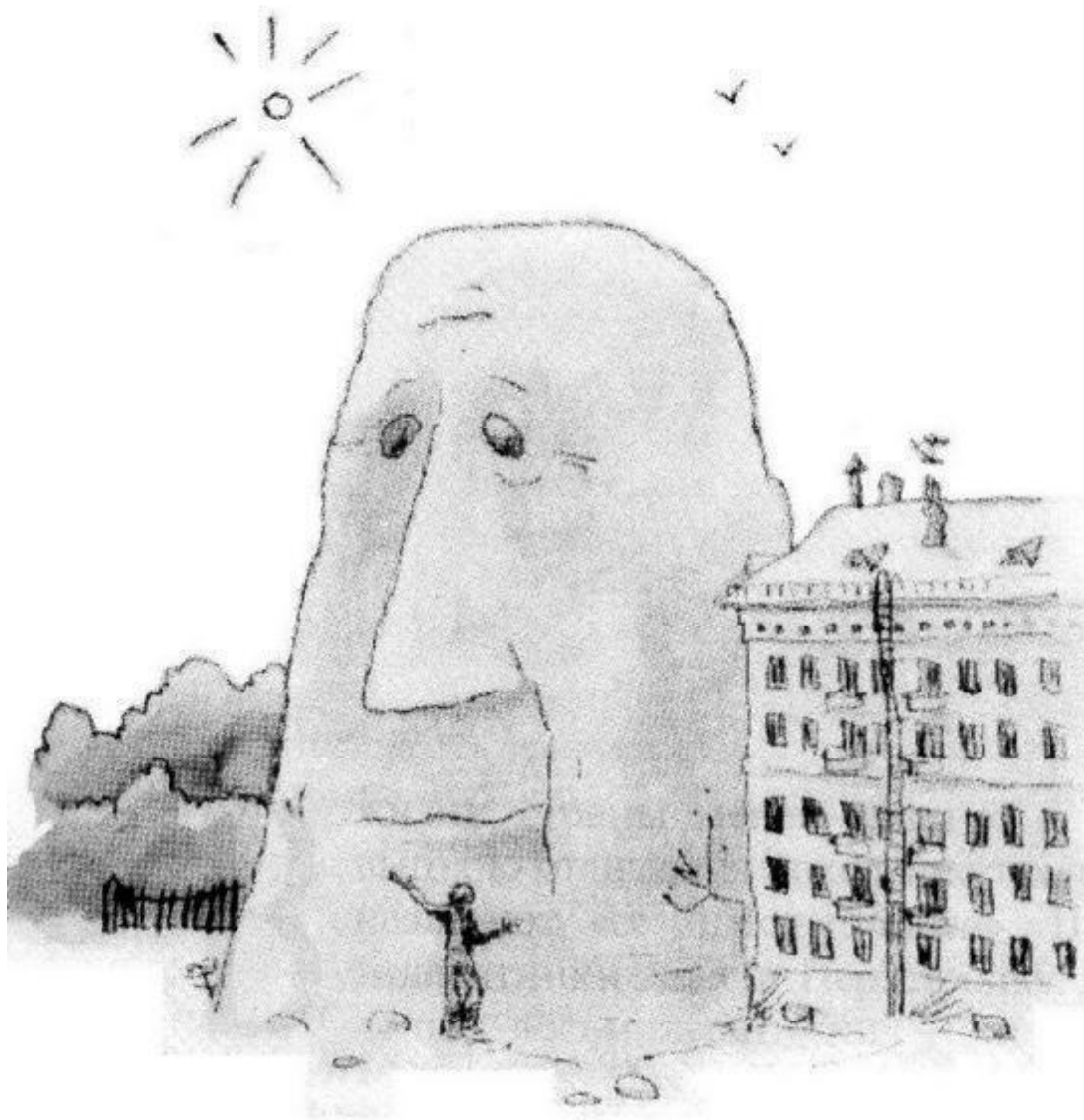
Так и получилась эта первая книга. В чём-то исповедь, в чём-то размышления учителя-рenegата, честно отработавшего положенный ему срок и ушедшего не потому, что устал, а потому, что сильно засомневался. Получилась книжечка-блюз. Блюз на тему школы и воспитания. Грустный и лирический, искренний и в чём-то пронзительный. Блюз о пережитом.

Надеюсь, что никого из своих бывших учеников не обидел. Намерения такого, во всяком случае, не имел. Более того, что мог, сгладил, чего не должен был, не написал.

Но если, тем не менее, кому-то невольно досадил, простите. Не обижайтесь. Ведь это книжечка не о вас, а обо мне.

Монолог от имени поколения

*Люби скромное дело, которому научился, и в нём успокойся.
Марк Аврелий. «Размышления»*

В жизни страны менее заметно и тем выгодно отличается поколение тех, кого называют «семидесятниками». Шестидесятники делали Перестройку. Молодые восьмидесятники – коммерсанты и депутаты местных Советов. А сорокалетние как были, так и остались инженерами, учителями, врачами, научными сотрудниками.

Свой пыл, энергию, силы они потратили и иногда ещё тратят на честную работу, борьбу с дураками и за друзей, пытаются сохранить личную порядочность и достоинство.

Они заканчивали школу, когда случилась «Чехословакия». Все понимали. Но их мужества хватило только, чтобы читать «Самиздат». И из него узнавать о тех, кто смог «выйти на площадь». Они не застали по-настоящему хрущёвскую оттепель, но читали «Люди, годы, жизнь», «Один день Ивана Денисовича», «Озу» (без купюр)... И хорошо помнили, как, навер-

ное, в 70-м, во время просмотра фильма «Посол Советского Союза», когда на экране буквально мелькнул Сталин, в залах аплодировали.

Потом разогнали «Самиздат», и они испытали страх и перешли к «теории малых дел» – своеобразному народничеству. Образовывались, читая «Пламенных революционеров»: А. Гладина «Евангелие от Робеспьера» и «Шлиссельбургские сны», В. Аксёнова «Любовь к электричеству», В. Войновича «Степень доверия», Б. Окуджаву «Глоток свободы», Н. Эйдельмана «Апостол Сергей» и «Большой Жанно»... Идеализировали декабристов и народовольцев. Затем сумели отделить чистоту мотивов и благородство целей от сомнительных методов и последствий.

Не читая Карамзина, заранее отдавали ему первенство среди других русских историков, ибо моральную сторону истории предпочитали рассудочной.

Это поколение, для которых сэлинджеровский Холден был героем, «Благослови зверей и детей» Крамера и «Ромео и Джульетта» Дзеффирелли – их фильмами, импрессионисты – любимыми художниками, Beatles – forever. В свои шестнадцать-восемнадцать они любили Хемингуэя и Ремарка, чуть позже – Стругацких, Брэдбери, Белля. В 25 лет могли... впервые прочесть «Мёртвые души» и прийти в восторг. Всегда уважали Искандера, Думбадзе, Шукшина, Трифонова. Посмотрев в 30 лет ещё раз «Жил певчий дрозд» Иоселиани, они вдруг поняли, что этот фильм о них.

Им неловко обманывать знакомых и незнакомых; стыдно «заиграть» книжку или кассету. Они не очень разбираются в косметике, не любят носить галстуки, но любят свитера.

...Они любят историю, знают её неглубоко, но лучше многих. Им не могут нравиться коммунисты последней волны и сегодняшние антикоммунисты. Их умеренность принимают за какой-то «центризм», независимость – за высокомерие, ненадёжность или враждебность. А они вообще не любят нынче политику.

Они по преимуществу добрые, общительные, умеют веселиться, до сих пор любят читать. И вечно рефлексирющие, и очень грустные. Это грустное поколение.

Дебют

*Люблю ли я школу? Да, люблю! Очень!.. Как волчонок свою нору...
И вот нужно вылезать из своей норы. И оказывается – сразу тысячи
дорог!.. Тысячи!..*

*По какой мне идти?.. Не знаю. Школа заставляла меня знать всё,
кроме одного, – что мне нравится, что я люблю.*

*...Теперь оглянулась, и оказалось – ничего не люблю. Ничего, кроме
мамы, папы и... школы.*

Владимир Тендряков. «Ночь после выпуска»

Дебют

Итак, тыходишь в класс. Первый раз по-настоящему, как учитель, а не студент-практикант. У тебя отныне имя-отчество не только для паспорта. Ты быстро к нему привыкнешь. Потом станет не с руки: когда люди помоложе обратятся к тебе по имени и на «ты». Вздрогнешь, даже на секунду обидишься – что это они себе позволяют.

Вообще твоя профессия будет мешать «в миру». При разговоре со знакомым – незнакомым (часто о каких-нибудь пустяках) неожиданно станешь требовать тишины, чтобы посто- ронним не занимался, в глаза смотрел. Но это всё не сразу, потом. А сегодня – твой первый день.

Готовился, наверное, всю неделю. Возможно, ночь не спал или спал плохо. Часов в двенадцать ещё раз (последний?) пересказывал своё объяснение, наивно полагая его самым важным на уроке. Утром выпил лишь чашечку чая или кофе. И пошёл к полвосьмого.

Звонок прозвенел, в класс зашёл – все: как на сцене. Спектакль начался. Деваться некуда. Поймал свою игру: раскрой крылья – пари. Нет – ничего уже не сделаешь. Сегодня. Доигрывай. А завтра попробуй ещё раз. Посложней будет. Но и ты уже поопытней.

Конспект на уроке открывать не станешь. Из гордости и страха. Правильно. Кажется, все предусмотрел. Подобрал два-три интересных факта. Может, книжку взял с картинками. Ходишь «гоголем». Вернее, нет – ходить ты ещё не умеешь. Боишься. Особенно между рядами. Не комплексуй. Вообще-то там ходить необязательно. Правда, ты и сидеть не можешь. Шаг вперёд, шаг назад, шаг в сторону. В горле пересохло...

Твоя основная задача – произвести впечатление. Показать. Что не дурак, что в меру строг, что можешь и по-свойски пошутить, когда надо. Все как будто делаешь правильно. У тебя есть первые минут десять-пятнадцать, чтобы понравиться, заинтересовать, победить. Хотя потом победу надо будет закрепить. Но всё – потом.

Сегодня ты самоутверждаешься. И будешь делать это долго. Пройдёт много времени, прежде чем ты спросишь, для кого работаешь – для себя или для них. И по первому разу соврёшь: убедишь себя, что для них. Потом поймёшь, для кого на самом деле.

Ты будешь часто постигать ложные учительские истины. Например, что вскоре можно не готовиться к урокам, ибо достаточно опыта и импровизации. Верно, но опыт надо осмыслить, и знания нужны подлинные. А у тебя их ещё нет. Твоя импровизация – халтура. Пускай и высшей пробы. Но тебе ещё не стыдно.

Через некоторое время ты начнёшь жалеть себя. Уставать. Станешь причитать, что пона- прасну растраниваешь молодые силы, даже будешь пугать, что уйдёшь. Но никому не будет страшно.

Ты обвинишь во всём сначала их, затем себя, потом время. И возможно даже, уйдёшь. Может быть, навсегда. А может быть, чтобы вернуться. Чтобы «растворить их в себе, но отдать взамен всю божественность их природы. Кто это может, тот истинный гуру».

А просто обучать предмету, поверь, тебе скоро надоест.

Но все это и многое другое – потом. А сегодня... Сегодня у тебя дебют. Ты начинаешь и проигрываешь. Чтобы выиграть потом.

Расчёска

Первый год работы в школе проходил на редкость удачно. Мне сразу дали 10-й класс. Отношения с ребятами сложились хорошие, уважительные. Я вёл себя с ними просто, но не допускал фамильярности. Через несколько месяцев за мной установилась репутация строгого и требовательного учителя. Опрос проводился тщательно и без снисхождения.

Случались, правда, исключения. Когда я опаздывал на первые уроки (так получалось...). Ребята терпеливо ждали меня в классе, тихо занимаясь своими делами. Я смущённо входил в класс, извинялся и начинал урок сразу с объяснения нового материала.

В тот весенний день я не опоздал. Классу предстоял «жестокий опрос». Скоро экзамены, мои первые выпускные экзамены. Мы «отрабатывали» билеты.

Как всегда, перед произнесением первой фамилии в классе воцарилась лстящая мне тишина. И вот первый вопрос, первая фамилия, первый отказ выйти к доске, первая двойка. Дальше я вызвал ещё несколько учеников, но и они оказались не готовы отвечать.

Я так настроился на урок, а он с треском проваливался. Не в силах скрыть своё раздражение, обиду, я разразился гневным монологом. В нём было все: и великое предназначение истории, и мой напрасный труд, и их неуважение ко мне, и порочность лени, и необходимость быть образованными людьми.

Я внимательно слушал себя и, пожалуй, остался доволен. Сделал паузу. Это была, по моему, прекрасная пауза. Тишина в классе. Опущенные головы учеников. И вот в этот торжественный момент один из них, сидевший на последней парте, весёлый и шелапутный Володя Разгульнов, медленно, от начала до конца провёл пальцем по зубьям металлической расчёски. Этот звук, прогремевший в «высокой» тишине, произвёл шокирующий эффект. Класс взорвался смехом.

Я был оглушён, раздавлен, оскорблён до глубины души. Смех быстро смолк. Справиться со своим уязвлённым самолюбием я не смог. Взял журнал, минуту постоял в снова наступившей тишине, сказал, что «урок окончен», и вышел из класса. К этому времени прошло двадцать минут с начала урока.

Войдя в учительскую и немного успокоившись, я стал ждать депутацию учеников с извинениями и просьбой продолжить урок. Минут через десять из окна увидел, как мой 10-й класс, в полном составе, шумно и весело натягивает сетку на школьной волейбольной площадке, готовясь к игре. Я приглядывался, надеясь хоть кого-то не найти среди них. Но, увы, здесь был весь класс.

Не буду подробно описывать своё состояние: догадаться нетрудно.

На следующий день я вошёл в класс и вёл урок, как всегда, будто ничего не произошло.

Ночь раздумий не прошла даром, я кое-что понял. Понял, что никто не хотел меня обидеть – все получилось непреднамеренно. Понял, что дело не столько в Разгульнове, сколько, скорее, в моей собственной учительской напыщенности, чрезмерной амбиции. Наконец, я понял, что никто из ребят так и не догадался о моих переживаниях. И сразу стало легко.

Больше никогда я не удалял себя с урока.

«Теперь мы хулиганы»

Ученик пятого класса Олег Лужкаев стоял на лестнице между вторым и третьим этажами и плакал. Ему было больно: только что на перемене старшекласники «распяли» его на горячей батарее. Прозвенел звонок, но мальчик его как будто не услышал. На урок идти не хотелось, от обиды и боли на душе было тяжело. Проходившая мимо классная руководительница спросила, почему он не на уроке. Он не ответил. «Почему ты плачешь?» Он снова промолчал. «Что, побили, небось? – не без злорадства продолжила она. – Поделом, поделом, будешь теперь знать, как к другим приставать... А ну, марш на урок, нечего прогуливать!» – и она легко подтолкнула мальчика наверх. Тот отшатнулся и неожиданно быстро устремился вниз. Через полминуты за ним хлопнула дверь: он стремглав БЕЖАЛ ИЗ ШКОЛЫ.

...На педсовете решался вопрос об исключении восьмиклассника Олега Лужкаева из школы. Мы с ним договорились: если я начну подбрасывать и ловить металлический рубль, то это знак ему – нужно «остыть», успокоиться, остановиться. Но договориться было куда легче, чем выполнить договор. Я мог подбрасывать свой рубль хоть до потолка – остановить Олега было невозможно...

Лужкаев действительно был человеком с трудным характером. Хотя общий язык с ним я нашёл быстро. Часто бывал у него дома, хорошо знал бабушку, папу, маму, сестру, брата и собаку, здоровенного дога, которого он как-то привёл в школу. Об этой «хулиганской выходке» с собакой на педсовете не преминули вспомнить. На педсовете ему многое припомнили.

Например, урок литературы, на котором восьмиклассники писали сочинение на тему «Кем ты хочешь стать?». Все усердно трудились. Один хотел стать офицером и защищать Родину, другая – врачом и лечить людей. Лишь Лужкаев ничего не написал. Учительница спросила его, почему он не пишет. Не получив ответа, она продолжила расспрос: «Тебе что, не нравятся никакие профессии, ничто не интересует?» Щёки Олега постепенно стали покрываться румянцем, большие глаза смотрели на учительницу вызывающе кротно. Он тихонько произнёс: «Я хочу стать маленькой речной рыбкой, а вы меня выловите и съедите». Учительница ответила резкостью. Он – матом.

...Педсовет продолжался. Я все же попытался заступиться за Лужкаева. Но что я мог сказать: что он предан дружбе, нежно и самоотверженно любит свою девушку, искренне переживает за героев фильма, вступает за слабого во время домашних ссор? Это лирика, а не аргументы. А вот грубость, двойки, срывы уроков – это факты. Весомые и очевидные...

Однажды Олег и несколько его товарищей пришли в школу в необычном виде: отутюженные брюки, светлые рубашки, причёсанные волосы и... «бабочки». Да, именно «бабочки» были гвоздём программы. Сделанные из бумаги, раскрашенные в мелкую горошинку.

Ребята ходили по школе степенно, как бы не замечая производимого впечатления, на самом же деле очень гордые всеобщим вниманием. Они чопорно раскланивались вместо приветствия, пропускали всех перед собой при входе в класс. В общем, играли с удовольствием, и, надо сказать, у них это получалось. Лужкаев подошёл ко мне и спросил, в тон ли он надел носки. Я похвалил его вкус и выразил надежду, что джентльмены не забудут о своём достоинстве и на уроках. В ответ он развёл руки в стороны, слегка пожал плечами и тихо хмыкнул, всем своим видом говоря: само собой разумеется, сэр.

Радость длилась недолго. Одна учительница обозвала их ряжеными обезьянами. Другая заявила, что в таком маскараде к себе на урок не допустит...

Когда прозвенел звонок, ребята выскочили из туалета и быстрым шагом, возбуждённые, направились в класс. Они были без «бабочек», рубашки распахнуты, воротники пиджаков подняты, волосы специально взлохмачены. «Теперь мы хулиганы», – бросил на ходу Лужкаев. Урок был действительно сорван по-хулигански.

...Педсовет принял решение об исключении. Я договорился перевести Лужкаева в соседнюю школу. Уже через неделю Олег стал проситься обратно. Новый педсовет, сменив гнев на милость, потребовал от него представить в письменном виде покаянное заявление с просьбой о возвращении в родные пенаты. Он написал: «Я, Лужкаев Олег, *находился* в этой школе с первого класса. Прошу дать закончить обучение здесь. Постараюсь вести себя удовлетворительно». Прочитав заявление, я попытался его исправить. «Что это за «находился»? Так не пишут: напишем «учился». И ещё: не «постараюсь себя вести», а «буду себя вести», ну, пускай, «удовлетворительно». Он внимательно посмотрел на меня и тихо, но твёрдо заявил: «Я ничего переделывать не буду, здесь все написано правильно». На этот раз я его не уговаривал: знал – это бесполезно.

Заявление так и осталось непереписанным, оно до сих пор хранится у меня. Рядом с ещё одним документом. Это характеристика, написанная классным руководителем Лужкаева и представленная мне, заместителю директора по воспитательной работе, как основание для постановки ученика на «индивидуально-административный» учёт. Вот её текст от первой до последней буквы: «Груб с учителями, курит. Не без способностей, но учиться не желает. Способен на любую гадость».

Личные отношения

«Ну какой же вы дурак, Васильев, – это что-то!» – рассмеялась учительница в ответ на какое-то замечание ученика. Тот тоже улыбнулся: нарочито смущённо, игриво, а по сути, так же весело. Неожиданно за него вступился приятель: «А почему вы его, собственно, оскорбляете!» – произнёс он запальчиво, и лёгкий румянец справедливости покрыл его щёки.

Учительница с удивлением повернулась в его сторону и подчёркнуто корректно, но чуть-чуть насмешливо произнесла: «Что вы, Поляков, вам бы я такого никогда не посмела сказать. А что касается Васильева, то он не обижается. Это наши с ним, понимаете, личные отношения». Поляков не понял, в чём, собственно, дело и что значат эти вежливые слова, обращённые к нему, но почувствовал, что обидели они его больше, чем «дурак» – Васильева, которого, к слову, вообще ничего не обидело.

Личные отношения... Именно они делают значимым не само слово, но интонацию, контекст сказанного.

Помню, как два друга, ребята лет по четырнадцать-пятнадцать, чинили мопед. Один из них отреагировал на неуклюжее действие товарища совершенно неожиданно, обозвав его: «карась». Почему «карась», непонятно. И фамилия «нерыбная», и вообще эта безобидная речная рыбка в списке оскорблений не значилась. Но получилось как-то грубо, слово сразу прилипло и стало дворовой кличкой. Изменить что-либо в подобной ситуации нельзя, но я решил смягчить слово и стал звать парня «Каасик» или «Карасик». В конце концов, именно в таком виде и прижилось. Совсем не обидно.

Когда ездили в Ленинград, Карасик был штатным фотографом. На каждой отпечатанной фотографии он вывел свой фирменный знак – силуэт маленькой рыбки.

...И всё же учителя злоупотребляют словами в личных отношениях. Они позволяют себе не задумываться. Им кажется, что изначальная беззлобность, даже наоборот, доброжелательность к своему воспитаннику делают их слова всего лишь мягким домашним сленгом. И действительно, большинство учеников воспринимают разные учительские словечки именно так. А многие даже как привилегию посвящённых, ибо кто же из нормальных учителей будет всерьёз обзывать. Но иногда гордые и неодомашненные ученики напоминают нам о чувстве меры, такта и справедливости.

Как-то привязалось ко мне и стало любимым словечко «пень». С разухабистой, свойской, ласковой интонацией раздавал я его направо и налево. Кое-кто, позаимствовав, взял даже на собственное вооружение: частенько можно было услышать в коридоре: «Ну, ты – пень...»

Не особо контролируя себя и не замечая настроение собеседника, однажды я по-хозяйски, любя, выговаривал что-то своему старшекласснику. На моё обычное замечание, что тот повёл себя «как пень» в какой-то ситуации, он неожиданно с упором возразил: «Я – не пень!» «Пень, пень», – миролюбиво подтвердил я. «Нет, не пень!» – упрямо, с вызовом, повторил он. «Пень», – не унимался я, начиная чувствовать потерю жанра. «Знаете, что?! Я же не говорю, кто Вы!..» – скороговоркой бросил парень и выскочил из школы.

Мы были в хороших, уважительных отношениях. Этот эпизод их не испортил. Я не обиделся на его «вольность». Ведь все было сугубо между нами, в наших личных отношениях.

Но вот слово «пень» как-то стало забываться и исчезло из моего лексикона. Как, впрочем, и многие другие «домашние» слова.

Музыка строя

Я сочувственно кивал, слушая молодую учительницу. Уроки пения – притча во языцех. Рисование, труд и физкультура по драматизму не идут в сравнение с этим предметом.

«Нет, вы послушайте! Я поставила им Бетховена, «Лунную сонату». Как же они изгалялись! Кто-то нарочно мерзко имитировал игру инструментов, кто-то ржал, а один, знаете, глаза завёл и всю дорогу причитал: «Митька, брат помирает, ухи просит».

Было смешно. Я с трудом сдерживал улыбку, но учительнице было явно не до смеха. В учительской царил траурный марш Шопена.

Я посоветовал коллеге поговорить с ними о современной музыке.

Через несколько дней она рассказала, что из этой затеи ничего не вышло. Ребята принесли магнитофон и весь урок слушали какую-то, по словам учительницы, «какофонию» Разговаривать отказались, но и музыку свою, как ей показалось, не слушали. «Так, балдели весь урок»

В воздухе висел «хэви метал».

На следующий день, поднимаясь в актовый зал, я снова увидел эту учительницу. Она медленно, важно шла по лестнице. За ней, в затылок друг другу, опираясь на перила, поднимались на урок пения второклашки. Поднимались тихо, почти не разговаривая. Учительница на несколько секунд остановилась, строго посмотрела на свою колонну и чётко, по-армейски, скомандовала: «Прекратить разговоры. Строем идём. Я сказала – СТРОЕМ!» – прикрикнула она на какого-то растерянного мальчугана. Потом снова встала во главе своего «подразделения» и медленно, важно направилась в кабинет.

Я невольно остановился, заворожённый этой картиной. Ну, а потом продолжил своё движение в актовый зал... с левой ноги.

В моей голове отчётливо звучала музыка военного духового оркестра.

Сколько съел?..

Новым рубежом, победой в квалификационном состязании считал я тот момент, когда трудный подросток возьмёт из моих рук свою первую книгу.

Валера Огнев был вконец обленившимся четырнадцатилетним пареньком с миловидной хитровой физиономией. В школе практически не учился. Хулиганил тоже лениво, в свободное от ничегонеделанья время.

В клуб пришёл случайно: старшие ребята позвали. Огнев производил впечатление неглупого малого, на которого, тем не менее, и в школе, и дома махнули рукой.

У нас в клубе он пробыл несколько месяцев. Возился с мотоциклом, выполнял отдельные мелкие поручения. С учёбой, курением и прочим я старался к нему не приставать. А приставал иногда с разговорами – о том, о сём. Валера был немногословен, но, казалось, слушал внимательно и понимал, о чём речь.

Наконец, я решился: «Валера, хочешь я тебе что-нибудь принесу почитать?» Он невразумительно пожал плечами. И я вцепился: «Попробуй, сколько сможешь. Вдруг понравится».

На следующий день я принёс ему сборник рассказов Джека Лондона. Напутствовал какими-то необязательными, но сильными словами и передал книжку. Через пару дней спрашиваю: «Ну, как?» «Ничего, – отвечает, – читать можно. Уже прочёл семь страниц».

Ещё через несколько дней я снова поинтересовался. Он прочёл уже страниц пятнадцать. Потом ещё двадцать, ещё... Сборник был худенький. И когда Огнев объявил мне, что прочёл

уже сто сорок семь страниц, но больше пока не может (как какой-нибудь борщ или рисовую кашу), я не стал настаивать: сколько съел, столько съел.

Вечером всё же для интереса спросил, а что ему больше всего понравилось, какой, может быть, рассказ. И через несколько минут вдруг понял, что он и не открывал книгу.

Я не обиделся, даже посмеялся над ситуацией. А Огнев, не знаю – может просто срок вышел, через несколько дней ушёл из клуба.

Впрочем, была уже поздняя весна, и он все свободное, то есть все своё время, проводил, загораю, на прудах. К сожалению, без книги.

Двойки после «Грозы»

Посетил наконец урок литературы в своём классе. Давно собирался. Судя по оценкам в журнале, здесь не все ладилось. Хотелось посмотреть самому, понять, почему же ребята не жалуют Великую Русскую Литературу. Попросил разрешения, со звонком вошёл в класс и сел, как обычно, за последнюю парту в первом ряду от двери. Урок начался.

«Ребята, – сказала учительница, – сегодня мы ничего не будем записывать. Давайте просто поговорим, поспорим». (Несколько человек исподтишка зыркнули в мою сторону).

«Вы все, конечно, помните, что Добролюбов писал о героине пьесы Островского «Гроза». («Луч света в тёмном царстве», – мгновенно среагировал я про себя.) «Надеюсь, – продолжала учительница, – вы помните и высказывания Писарева. Если кто-то забыл, напомню»... Из довольно длинной цитаты я понял, что Писарев не очень жаловал «Грозу».

«Итак, – закончила вступительное слово учительница, – мы проведём свободную дискуссию. Те, кто разделяет точку зрения Добролюбова, садятся в третьем ряду, у окна. Кто за Писарева – в первом. Но если у кого-то есть своя, особая, независимая точка зрения, он должен пересесть во второй ряд».

Наступила пауза. По ленивым лицам ребят и отсутствию перемещений я понял, что энтузиазм у класса невелик. Я встал и решительно пересел за стол в центральном ряду, явно демонстрируя свою независимую позицию в будущем споре. Мой маневр вызвал оживление. Дети зашумели, зашевелились. Через минуту мизансцена была следующая: первый ряд пустой (не оценили Писарева), а два других заполнены, как говорится, до отказа. Стенка на стенку: Добролюбов против «независимых».

«Хорошо, – произнесла учительница, сохраняя ровный тон и бесстрастность арбитра. – Теперь выберем спикера, и пусть от группы прозвучит аргументированное мнение за ту или иную позицию».

Естественно, нашим спикером был единогласно избран я. Честно признаться, моя «независимая точка зрения» в первую очередь говорила об её отсутствии. Поэтому мне ничего не оставалось, как наброситься на Добролюбова и его сторонников с неконструктивной критикой. Я обвинил классика в молодости и непонимании любви (последнее, насколько известно, не соответствует истине), в излишней драматизации житейской ситуации, разглагольствовал о природе самоубийства.

В нашей перепалке прошло пол-урока. Молодая учительница по-прежнему сохраняла спокойствие. Иногда вмешивалась в наш оживлённый диалог, задавая те или иные уточняющие или развивающие беседу вопросы. Тем не менее, энергия разговора иссякала, и я решил задать вопрос учительнице – о её позиции в споре. Но, выбрав нейтралитет, она была непоколебима.

Кто-то заскучал, кто-то стал отвлекаться. Учительнице приходилось чаще задавать вопросы. Некоторые из них стали повторяться, некоторые произносились с едва заметным раздражением.

...Со звонком был подведён итог: «Дискуссия позволила нам ещё раз вспомнить эту прекрасную пьесу великого русского драматурга. Теперь, надеюсь, вам будет легче написать сочинение по «Грозе», где вы более полно изложите свои мысли».

Через некоторое время я вновь заглянул в журнал на страницу «Русская литература». За урок в колонку было аккуратно выведено двенадцать «двоек». «За что?» – поинтересовался я у ребят. «За четвёртый сон Веры Павловны». Похоже, «свободных дискуссий» больше не было.

Довыступалась...

Учительница биологии, женщина средних лет, недурной наружности, не сработалась с моим классом. Как-то в очередной раз вызвала меня с урока к себе.

Мой 8 «б» поднялся и умолк. Молчал и я, смотря на учительницу.

«Ну, что же вы заткнулись сразу?! – неожиданно произнесла она. – Чего больше не выступаете?!»

От неловкости я повернулся в сторону класса. И тут встретился глазами с мальчиком, который всегда любил за мной наблюдать. Поймав мой взгляд, он развёл руки в стороны, соорудил сочувственную физиономию и печально вздохнул: «Ну вот видите...».

Я вышел из класса, не сказав не единого слова.

О русском языке

Я никогда не вёл специальной тетрадки, куда можно было записывать учительские и ученические перлы, ляпы, всё смешное и неуклюжее. Но кое-что запомнил...

На педсовете завуч рассказывала о своих впечатлениях от посещения уроков. Особенно ей понравилось на уроке пения, где «все дети пели ровным звуком».

Учительница математики, делая замечания какому-то непоседе, всегда говорила: «Ну-ка перевернись». Иногда её команду выполняли буквально, но она настойчиво вместо «повернись» повторяла: «Перевернись».

Один учитель физкультуры говорил: «Ширше ноги», другой: «И-таки далее, и-таки далее».

Но в ударениях всех перещеголяла учительница истории. Она не только говорила, что «положение развивающихся стран облЕгчилось», а «противоречия капитализма углУбились», она не только произносила по-большевистски «тЕррор», и у неё «формИровались деспОтии», её коронный перл был такой: «ДетИще мирового пролетариата».

Учительница литературы с фрикативным «г» в московской английской спецшколе любила по-матерински, не стесняясь заходить в мужской туалет и переводить английские ругательства, написанные на стенах. Её возмущали убогость слов и детский непатриотизм.

Учитель труда на первом же занятии по слесарному делу заявил, что «основным свойством всех металлов является то, что все металлы имеют свойства». С ним никто не спорил. В общем, «принципидентов» было многовато.

Охотник

Импозантная дама, учительница лет пятидесяти, вышла из школьного буфета, держа за обёрнутые в газету шеи двух куриц. В каждой руке по одной. Гордо так шла, торжественно.

Стоящий рядом со мной ученик с уважением протянул: «Охотник, смотрите – настоящий охотник».

Этикет

Когда меня спрашивали дети, зачем надо есть ножом и вилкой, не хлюпать чаем или говорить «спасибо», я отвечал, что это элементарная норма совместной жизни, норма уважения друг к другу. Притом крайне важная, так как воспитанность человека – не только внешний вид и хорошие манеры. Во многом она – основа сосуществования людей.

Только не надо доводить до абсурда и показухи. В один из дней пребывания в Москве школьников из далёкого Урала я повёл их, уставших и голодных, в первый попавшийся ресторан на улице Горького. Договорился с кухней о простом обеде: бульон, курица с рисом.

Когда подали первое, ребята растерялись. Бульон был в чашках, а внутри ещё лежало варёное яйцо. Как это нужно было есть? Все же – мы в ресторане! На нас смотрят!

Тогда по столикам прошла моя команда: есть как удобно, но с аппетитом.

В этот раз этикет был нарушен, но все были сыты и довольны. А вечером я спокойно рассказал и даже продемонстрировал, как надо справляться с таким блюдом.

Недоразумение

Директор школы подозвала парнишку лет двенадцати и попросила его показать мне микрорайон. «Ну что, – спросил он, – айда?» Возмущению моему не было предела. Как это так, мне уже исполнилось двадцать два года, через неделю я буду учительствовать в этой школе, а тут какой-то шкет позволяет себе разговаривать со мной на «ты». Мальчуган-татарин непонимающе пожал плечами и сказал: «Хорошо. Ну, айда».

Письмо

Мне редко дети дарят цветы. Я привык. Даже имею этому своё объяснение. Но научился относиться спокойно к формальным знакам детского внимания не сразу. Успел попереживать...

23 февраля. Только-только прозвенел звонок на урок. Открывается дверь, и председатель родительского комитета моего класса торжественно вручает мне «поздравительную коробку». Я отказываюсь. Меня уговаривают. Я решительно отказываюсь. На меня обижаются. Обижаюсь я... Коробка остаётся лежать на подоконнике.

Класс притих, и я демонстративно сухо провёл урок.

Я ждал поздравлений. Пытался даже мысленно представить себе, что будут дарить и как, но думал, что это сделают ребята. Особенно обиделся на группу «особо приближённых к императору». «Уж они-то, – думал я, – должны были поздравить. Значит, ошибся. Значит, они чёрствы и равнодушны. И относятся ко мне просто потребительски».

И я «надулся». По-моему, даже перешёл на «вы». Сейчас смешно, а тогда было по-настоящему неприятно, и я здорово переживал.

И вот через несколько дней после этого «инцидента», во время перемены, один из моих учеников на ходу вручил мне большой зелёный конверт и убежал. В конверте было письмо. Приведу его полностью. Понимаю, что сложно поверить в такой «киношный» текст и тем более всерьёз отнестись к нему. Но всё было именно так.

«Здравствуй, Учитель!

Я никогда не писал к Тебе. Но сейчас я должен это сделать, прежде чем непонимание, проложившее первые кирпичи между нами, не воздвигло глухой стены! И тогда мы будем только перестукиваться, Учитель! Только перестукиваться...

Мы выросли, Учитель! И наш глаз стал порой зорче Твоего, наша рука – порой крепче Твоей! Мы становимся воинами, Учитель! И именно Ты сделал нас ими! И Тебе наша вера!

Но неужели Ты, Учитель, можешь усомниться в нас?! Неужели Ты можешь обижаться на нашу поспешную юношескую невнимательность, на наше юношеское высокомерие?

Ты – наш Учитель!!! А когда Ты обращаешься к нам на Вы, мы думаем, что это действительно так!..

Мы слишком молоды, чтобы быть равными с Тобой, Учитель! Мы сами уже думаем об очень многом, но не лишай нас Юности, Учитель! Нам предстоит ещё очень долгий путь ошибок, прежде чем мы станем сами Мудрыми Учителями! Ты не так стар, Учитель, но убойся соблазна быть равным!

Поверь в Нас!!!

И да будет всё к лучшему!»

Письмо не оставило и следа от моей обиды. Именно тогда мой интерес к внешним знакам внимания стал ослабевать. Позже я понял, что и к подобным письмам надо относиться сдержанно и с должной иронией.

Но на выпускном вечере, получив до неприличия мало цветов (притом в основном от родителей), я снова расстроился.

Выпускной вечер – грустный праздник. Всю ночь я чувствовал себя не в своей тарелке и постоянно поглядывал на часы – когда же все кончится.

И вот – утро. Все стали расходиться по домам. Я зашёл за своими вещами в пустой класс. Машинально глянул на доску. На ней крупными буквами было написано:

«Опустел перрон.
Можно уходить.
И цветы теперь
Некому дарить».

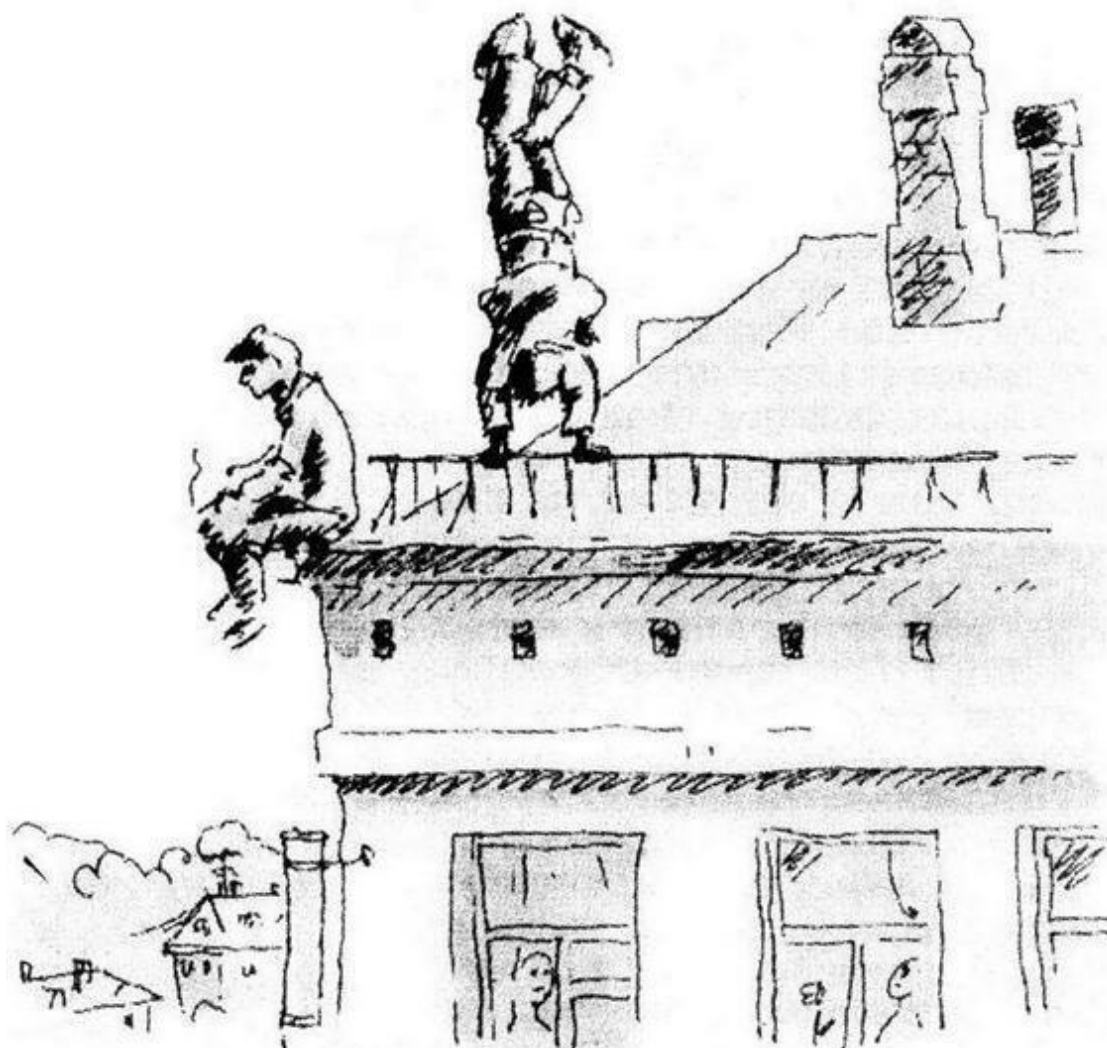
Я вспомнил про письмо.

На следующий день мой класс почти в полном составе собрался у меня дома.

Нестандартно-типичные

Они торчали на перекрёстках, толпились под фонарями, угловатые, прокуренные, оставляя на тротуарах россыпи плевков, окурков и бумажек от конфет. Нервные и нарочито меланхоличные. Жаждающие, поминутно озирающиеся, сутуловатые. Они ужасно не хотели походить на остальной мир и в то же время старательно подражали друг другу и двум-трём популярным киногероям. Их было не так уж и много, но они бросались в глаза, и мне все время казалось, что каждый город и весь мир заполнены ими, – может быть, потому, что каждый город и весь мир принадлежали им про праву. И они были полны для меня какой-то тёмной тайны. Ведь я сам когда-то простаивал вечера с компанией приятелей, пока не нашлись умелые люди, которые увели нас с улицы. И потом много-много раз видел такие же компании во всех городах земного шара, где умелых людей не хватало. Но я так никогда и не смог понять до конца, какая сила отрывает, отвращает, уводит этих ребят от хороших книг, которых так много, от спортивных залов, которых предостаточно в этом городе, от обыкновенных телевизоров, наконец, и гонит на вечерние улицы с сигаретой в зубах и транзистором в ухе – стоять, слёвывать (подальше), гоготать (попротивнее) и ничего не делать. Наверное, в пятнадцать лет из всех благ мира истинно привлекательным кажется только одно: ощущение собственной значимости и способность вызывать всеобщее восхищение или по крайней мере привлекать внимание. Все остальное представляется невыносимо скучным и занудным и в том числе, а может быть, и в особенности, те пути достижения желаемого, которые предлагает усталый и раздражённый мир взрослых.

Аркадий и Борис Стругацкие. «Хищные вещи века»

Сеанс психоанализа

Меня всегда тянуло к двум категориям детей: интеллигентным, но слабым духом, и хулиганам. Всё объясняется: в детстве я был интеллигентным, но дворовым мальчиком, занимавшимся спортом. Я сумел поставить себя и не стал изгоем. Но до седьмого класса пережил и два бойкота, и пару неприятных драк. Мои одноклассники ходили с шилом в кармане (которое чуть-чуть выглядывало наружу), стреляли по 10 копеек. А когда кое-кого даже посадили в тюрьму, родители срочно перевели меня в английскую спецшколу, где одноклассники только спросили: кто мои предки, сколько получают и люблю ли я «Битлз». В новой школе меня считали немного измайловским хулиганом, и это льстило.

Так вот: всегда хотелось помочь таким, каким был сам – чуть-чуть трусоватым, чуть-чуть нерешительным, быстро теряющимся перед наглым хамским напором.

Несмотря на, в целом, очень благополучное детство, мне всегда казалось, что я был чем-то обделён. Реальной жизнью, что ли. Я её не знал. Все было книжно, антикварно, призрачно. Как будто совсем рядом, но не со мной. Поэтому я немного похипповал в 9–10-м клас-

сах, немного поантисоветничал на первом курсе института, понародничал, добровольно уехав работать учителем на Урал.

Но – я никогда не был хулиганом, только водился с ними. (Помните в фильме «Звонят, откройте дверь»: «Я никогда не был первым пионером, но у нас во дворе был форпост»...). Вот и у меня во дворе были хулиганы. И потом, став учителем, мне всегда хотелось их получше узнать, понять, приобщиться через них к настоящей жизни. Но всегда было желание – перетянуть их на свою сторону.

В этом сказывалась и дань просвещенческой моде, и, наверное, моя своеобразная месть хулиганам, которых втайне я боялся и которым завидовал, идеализируя (как все пацаны) своё суррогатное хулиганское прошлое, вернее, отдельные моменты ненормированного поведения, запомнившиеся из детства больше всего. Что, кстати говоря, очень помогло мне в учительской работе.

(Помню, в шестом классе мы, пять человек, почти вся волейбольная команда школы, выпиваем перед игрой бутылку портвейна и бутылку пива и сражаемся на площадке, как звери...)

Но не любил я хулиганов, потому что был из другого «курытника». И в чём-то проигрывал.

А теперь я над ними, их авторитет, вожак, которого они побаиваются и уважают. Хотя, конечно, я всегда знал, что решающее значение в нашем общении имели не моя средней внушительности комплекция, а, безусловно, справедливое и уважительное к ним отношение. Они не переносят брезгливости, высокомерия, чванливой спеси; а также крика и невыполнения обещаний.

Я знал замечательную умную женщину-учительницу, которая блестяще преподавала свой предмет, но явно не любила и, главное, не уважала тех, с кем работала. В общем, ей платили тем же.

Есть ещё одна категория учителей, «своих в доску». Но это обратная сторона медали. И несмотря на то, что детей обмануть легко (вопреки расхожему мнению об их звериной интуиции), фокус не срабатывает. Учитель, пытающийся подладиться, подлизаться, заигрывать, – никогда не приживётся. Дети-«хулиганы» – это свободная волчья стая, живущая по своим законам иерархии и чести. А с волками сюсюкать... Разорвут.

Я сам все время стремился одомашнить волков, приручить. Поменять им среду обитания. Наверное, теоретически это возможно (при определённой волчьей патологии), но «как волка не корми»... Домашняя собака – пусть в тепле, любви, уюте – и служит благородным целям, но не свободна. А настоящий волк никогда не согласится променять свою свободу.

Перевести ученика на другую орбиту, поменять культурное пространство – сладостная воспитательская мечта. Но есть ли у нас право изменять видовые признаки, играть роль судьбы, бога? Готовы ли мы отвечать за последствия?

Или это обыкновенное человеческое высокомерие? Кто сказал, что мы лучше, что это благородная задача – подтягивать до себя?

Помните, у Корчака:

«... – Надо опускаться до их понятий. Опускаться, наклоняться, сгибаться, сжиматься. Ошибаетесь... Надо подниматься до их чувств. Подниматься, становиться на цыпочки, тянуться...»

Чаще всего это просто проявление взрослого деспотизма и жестокости. Или скуки: интереснее по образу и подобию лепить, а потом на равных разговаривать.

Учительские задачи тем благороднее и мудрее, чем конкретнее и яснее: чтобы не попал по малолетству в тюрьму; чтобы специальность для жизни получил; а в общем: чтобы стал нормальным отцом, безопасным соседом, порядочным сослуживцем.

Если же хотите от них чего-то большего – займитесь психоанализом. Помогает.

Последний разговор

Виталий Горшенин совершил преступление летом, в конце июля. А так как в июне был оставлен на второй год, то преступление это числилось за моим классом, куда он был автоматически переведён.

До этого он ни разу не был у меня на уроках. Да и вообще в школе его видели редко.

Это был крупный для своих пятнадцати лет подросток. Лицо, азиатского типа, напоминало сплюснутый колобок. Выделялись широкие скулы. Глаза были узкими и беспокойными, рот часто кривился и приклатнённой улыбке.

До конца сентября, пока шло следствие, он находился в камере предварительного заключения, но затем был отпущен, и до суда должен был обучаться в школе. Учителя возмущались, протестовали, резонно замечая, что до суда он ещё нескольких ребят может сбить с пути истинного, а возможности его перевоспитывать у коллектива нет. Правда, опасения учителей были напрасными: сам Горшенин не собирался ходить в школу. Но учиться он был ДОЛЖЕН. И я, его классный руководитель, также ДОЛЖЕН был обеспечить его присутствие в школе.

Мы разговаривали неоднократно. Но ничего не получалось. Кто-то вбил ему в голову, что «дадут условно», и этого было достаточно: никакие уговоры или угрозы не помогали.

В отчаянии я резко поговорил с родителями Горшенина, объяснил, что, в конце концов, их сын – их забота, а мне, в общем, наплевать: напишу в милицию, и пусть забирают его снова в тюрьму. Отец решил поговорить с сыном, сломав во время «разговора» об него стул. Мне было стыдно, но Виталий стал изредка ходить в школу. На уроках, правда, всё равно отсутствовал. Разговора между нами так и не получилось.

Наступил декабрь, через неделю – суд. Я предложил директору, чтобы на суд от школы поехал или бывший классный руководитель Горшенина, или кто-то от администрации, но поручили это дело мне.

За два дня до суда я снова попытался поговорить с Виталиком, объяснил ему, что буду выступать в суде, что от моих слов многое будет зависеть, что у меня должна быть в чём-то уверенность, что нужно иметь какие-то гарантии... Он молчал и улыбался.

Через день мы отправились на суд в небольшой городок, где были совершены преступления. За лето группа подростков обворовала несколько магазинов. Горшенин в этой группе был младшим.

За несколько часов до суда ко мне подошла незнакомая молодая женщина, представилась – адвокат. Попросила, чтобы школа обратилась с ходатайством взять Горшенина на поруки и дала ему по возможности нормальную характеристику. Я ответил, что, к сожалению, это невозможно, так как мне придётся выступать не от своего имени, а администрация школы и учителя категорически отказались брать его на поруки. «Единственное, что можно сделать, – сказал я, – так это немного сгладить углы и сказать, что лично я, если суд сочтёт возможным оставить его на свободе, не отказываюсь взять его в свой класс». Так и договорились.

Начался суд. Горшенин занял место на скамье подсудимых, рядом с другими. Выступали свидетели, точнее, потерпевшие. Это были в основном продавщицы магазинов, где были совершены кражи. Говорили они возмущённо, нелепо, грубо. Подсудимые вели себя нагло, прерывали выступавших, смеялись. Потом дали слово мне, и я сказал так, как договаривался с адвокатом.

Адвокат выступала после меня, и, признаться, её выступление оказалось для меня неожиданным. Она обвиняла меня в том, что я не знаю ребёнка, что ничего положительного о нём не сказал («а ведь Виталик любит животных, у него дома даже птичка в клетке»). Как это так – учитель – здоровый молодой человек – не мог справиться с мальчишкой и не заставил его вести себя хорошо хотя бы на собственных уроках. Я был действительно молодым человеком и разозлился.

Попросив ещё раз слово, я рассказал о поджаривании голубей «любителем животных», о моих сомнениях в возможности адвоката по-настоящему узнать своего подзащитного и о моих возможностях на уроках, из которых Горшенин не посетил ни одного. Говорил я громко, жёстко, с напором. На скамье подсудимых никто не смеялся.

Суд закончился. Приговор должны были объявить на следующий день, утром. Предстояла непредвиденная ночёвка.

Мы поселились в единственной гостинице города. В одной комнате: Виталий Горшенин, освобождённый до утра из-под стражи, его отец и я. Меня угостили взятой из дома едой. Вечером я пошёл немного погулять. Когда вернулся в гостиницу, все спали, кроме Виталия. И вот тут у нас получился разговор. Единственный, долгий, **ОСОБЕННЫЙ** разговор с Горшениным. Мы говорили о футболе, о «Спартаке», о его родном городе, о друзьях. Передо мной были усталое мальчишеское лицо, обыкновенная мальчишеская речь, неподдельный мальчишеский интерес.

Уснули мы под утро, а когда проснулись, чувствовалась какая-то неловкость: мы как будто стеснялись друг друга. При чтении приговора, наверное, не было человека в зале, который больше, чем я, хотел условного наказания для Виталия. Но он был осуждён на два года и взят под стражу в зале суда. Обрато я возвращался рейсовым автобусом с родителями осуждённых и их знакомыми.

Через год Виталий Горшенин умер в тюрьме.

Свидетель поневоле

Мама Алика Лужина позвонила в 12 часов ночи. По её словам, с сыном творилось что-то неладное. Он приехал откуда-то на мотоцикле в невменяемом состоянии. Сначала кричал, плакал, бил кулаками в стену. Затем утихомирился, но ни с кем не разговаривает. На всякий случай она вызвала «скорую».

Моему бывшему ученику Алику Лужину недавно исполнилось 17 лет. Он учился в техникуме. Парень был с характером. И жизнь складывалась трудно. Поэтому телефонный звонок не оказался для меня неожиданным.

Врач «скорой помощи» был уже на месте. Им оказался также мой бывший ученик, Лёня Магазанник. Можно было посмеяться такому совпадению. Но смеяться не хотелось.

Лужин сидел на кухне, сгорбившись, глубоко опустив голову и слегка поматывая ею из стороны в сторону. Казалось, он постанывал. Руки висели без движения. Они были в крови. Джинсы грязные. Похоже, он падал с мотоцикла.

Врачу Алик пробормотал, что выпил бутылку водки. Но Лёня сказал – врёт: ничего он не пил, ему надо сделать успокоительный укол. От укола Лужин наотрез отказался.

Ещё в коридоре мама Лужина предположила: случилось что-то с его девушкой.

Я зашёл на кухню, поздоровался. Алик никак не отреагировал. Тогда мы договорились с родителями, что я просто посижу с ним, пока не отойдёт.

Я снова зашёл на кухню. Извинился, что должен остаться и не могу дать ему побыть одному. Мы сидели молча. Он практически не менял позы. Иногда казалось, что он уснул. Раза два, наверное, я подходил к открытой форточке и курил.

Честно говоря, я ждал минуты, когда он не только успокоится, но и начнёт говорить. И в какой-то момент даже испугался, что вот он пойдёт спать и все, а я ничего не узнаю. Вряд ли бы я обиделся, но, наверное, чувствовал бы досаду. О, какие мы любознательные...

Он встал, пошёл в ванную. Но ничего не говорил. Я ни о чём не спрашивал. Может, здесь и надо было поставить точку. Ему лечь спать, а мне идти домой. Но первым не выдержал я: «Ну, так что там случилось с Викой? Мне мама начала что-то рассказывать, но я ничего не понял».

Не знаю, может быть, ему было неудобно мне не отвечать или захотелось выговориться, но постепенно я узнал всё, что произошло.

Два дня родители Вики скрывали от Алика, что она беременна и находится в больнице, говорили, что уехала на дачу. Когда же Лужин собрался ехать на дачу сам, вынуждены были сказать правду.

Он поехал в больницу, ещё ясно не понимая, что произошло. Может быть, он и не знал толком, что означает слово «аборт». Но в больнице бесстыдные молодые женщины в весёлой, популярной форме объяснили, что к чему. К Вике его не пустили.

Для Лужина все было шоком. Он, которого ещё в школе считали «психом», закатил яростную истерику, кричал, что все – убийцы. Потом сел на мотоцикл... В этот раз ему повезло.

...Под утро мы рассматривали семейные фотографии. Потом Алик проводил меня к первому уроку в школу.

Так прошла эта ночь. Я не мог себе представить, что после этого долго не увижу Алика. Нет, с ним ничего не случилось. Он просто не звонил.

Через полгода мы случайно встретились на улице. Поговорили несколько минут. «Звони, если что», – сказал я на прощание. Назавтра он позвонил и попросил что-нибудь почитать.

Потом я отгулял у них с Викой на свадьбе. В будущем году их сын, Костик, пойдёт учиться в нашу школу.

В связи с чем вспомнил эту историю? Разговаривая недавно со старшеклассником, я не почувствовал вовремя, что тема нашей беседы крайне болезненна для него. Когда обратил внимание, что у него дрожит подбородок, и он готов заплакать, тут же под благовидным предлогом собрался уйти, чтобы не стать невольным свидетелем его слёз, но было поздно.

Теперь я не уверен, простит ли он мне эту нерасторопность.

Мы, взрослые, так любим знать о них все. Это бывает непросто – но мы очень стараемся. А, может быть, постараться чего-то не знать? И тогда, возможно, не придётся ждать полгода случайной встречи на улице...

«SOS»

Восьмиклассник Виктор Тиунов был псих, хам, спортсмен, не дурак и почти алкоголик. Взрослые его боялись. На уроках он мог совершенно неадекватно отреагировать на любое слово, жест. Дома изводил отца и его жену пьяными дебошами.

Они периодически писали заявления в школу и в милицию. Школа грозила комиссией по делам несовершеннолетних. Милиция заставляла проводить обследование у нарколога. Но ни угрозы, ни уговоры не помогали.

Учебный год приближался к финишу. В апреле в школе проводилась очередная дискотека. Как организатор внеклассной работы, я отвечал за её проведение. Вход был бесплатным, но по пригласительным билетам.

Всё шло хорошо. Пока не появился Тиунов. Он был пьян. Совал мне пригласительный билет и пытался протиснуться в дверь. Я объяснил, что пустить его в школу в нетрезвом виде

не могу. Но он ничего не понимал: продолжал показывать свой «аусвайс» и упорно пытался пройти.

Ситуация становилась напряжённой. Я сдерживал его, потихоньку выталкивая на улицу из школьного «предбанника». Он вис у меня на руках, неактивно сопротивлялся.

Наконец мне удалось вытолкнуть его и закрыть дверь. Не обращая внимания на крики и мат, я пошёл в актальный зал. Пора было начинать дискотеку.

...Первое стекло было разбито на первом этаже в комнате завхоза. Он хотел пройти там. Но попытка оказалась неудачной – дверь была завалена хламом. Другое он высадил в туалете второго этажа, куда забрался по водосточной трубе. Услышав треск разбитого стекла, я побежал, готовый применить силу. Увидев меня таким, он бросился обратно на улицу.

Вскоре было разбито третье стекло. От злости и пьяного куража Тиунов залепил камнем в окно мужского туалета на первом этаже, где в это время находилось много ребят. Никто ничего не видел и не ожидал. Камень попал в голову одному из стоявших у окна парней.

Терпение закончилось. На улицу со мной выскочило много старшеклассников. Тиунова быстро поймали. Я вызвал милицию, и его забрали.

Вечер был испорчен. С трудом я дождался конца и направился в милицию. Я был уверен, что Тиунова нужно раз и навсегда проучить, что его безнаказанность слишком дорого обходится. Это был первый случай в моей жизни, когда я горел желанием посадить ученика. Я твёрдо решил написать заявление и добиться возбуждения уголовного дела.

Но в милиции Тиунова уже не было – он сбежал. На следующий день я пришёл в школу рано, ещё не было восьми часов. Гнев мой не прошёл. Я был настроен решительно – нельзя пускать Тиунова в школу. Как это так: вчера пьяный хулиган, а сегодня он же – ученик-подросток? Как я и предполагал, Тиунов преспокойно шёл в школу, даже не опаздывая к первому уроку. Он поздоровался, как ни в чём не бывало. Может быть, так для него и было. Но не для меня. Я поздоровался в ответ, но преградил ему дорогу: «В школе ты сегодня учиться не будешь. Педсовет должен решить – будешь ли ты вообще учиться дальше». Тиунов не спорил. Он развернулся и куда-то пошёл от школы.

Я действовал «без дураков». В эти дни я исполнял обязанности отсутствующего директора. На большой перемене собрал педсовет. Рассказал учителям (тем, кто не знал), что случилось вчера на вечере, и предложил, с учётом всего, что накопилось раньше, исключить из школы ученика 8-го класса Виктора Тиунова. Педсовет проголосовал за это единогласно!

Итак, я старался посадить Тиунова. Но дело было передано в комиссию по делам несовершеннолетних, а она приняла гуманное решение. Мне же было указано, что я превысил полномочия и нарушил закон о всеобуче.

В общем, Виктор Тиунов продолжал свою учёбу в нашей школе. Он притих, но я знал, что это ненадолго. Впереди был май – проводы в армию. Удержаться Тиунов бы не смог, а второго промаха я бы ему не простил.

Сейчас даже не помню, как все получилось: в первый или второй день его «восстановления в правах» я подошёл к нему в школе и сказал приблизительно следующее: «Значит, так, Тиунов, всё равно добром не кончится – неделей раньше, неделей позже – сорвёшься. У тебя единственный шанс: переезжаешь сейчас ко мне, и май живёшь у меня по тем правилам и распорядку, которые мы выработаем».

Наверное, с трудом, но можно объяснить моё предложение, а вот его согласие – совсем непонятно. Страх, интерес, блажь? Не знаю, но переехал он ко мне чуть ли не в этот же день. Процедура переезда была недолгой и несложной. Родители его с радостью согласились. Он взял бельё, деньги на еду и... переехал.

Мы договорились, чтобы об этом никто не знал. Сплетни мне были ни к чему. Было смешно, когда утром метров за 500 до школы мы расходились в разные стороны. А в школе здоровались.

Это были очень важные две недели моей педагогической жизни, да и жизни вообще. Когда я осознал банальную истину: в каждом самом отпетом подростке находится Человек, и если условия позволяют – он реализуется.

Мы договорились дежурить по очереди (убирать и мыть посуду, готовить завтрак и ужин). В первый же вечер дежурным был он. Я ненарочно задержался и шёл домой, не будучи уверен, что вообще застану его. Но Витя был дома. Он ждал. В сковородке была подогрета сваренная вермишель, поджарены куски колбасы, приготовлен салат. Витя, который никогда не смотрел прямо в глаза (или зыркал исподлобья, или постоянно отворачивался, говоря в сторону), глядел на меня озорно и с волнением. Горячий ужин, так редко имевший место в моей холостяцкой жизни, тронул.

Я с удовольствием стал привыкать не только к горячему ужину, но и к зарядке, к пробежкам по утрам. А ещё мы стали разговаривать. Поначалу это казалось невозможным – о чём? Не помню. Но разговор с трудом, медленно пошёл.

Передо мной был другой человек: остроумный, общительный, неопасный. Даже проводы в армию, на которые я его отпускал, прошли благополучно. В школе не могли не заметить перемен, удивлялись: что же происходит с Тиуновым? Ну, а у меня, несмотря на конец тяжёлого учебного года, открылось второе дыхание.

У нас было несколько договорённостей. Во-первых, если он не приходит к десяти часам, должен позвонить и предупредить, но к одиннадцати быть дома. И во-вторых, в любом состоянии он должен был идти ночевать только сюда. Идиллия длилась недолго. Витя Тиунов уже не мог не пить.

В тот день мы заспорили о его уходе к кому-то на день рождения. Компания собиралась такая, что удержаться Витя не смог бы. Он настаивал. Я не разрешил. Тем не менее, он ушёл. Когда вечером я вернулся домой, впервые оказался не приготовлен ужин (он был дежурным), и в нашей открытой общей кассе не хватало большей, чем на подарок, суммы денег.

В десять вечера звонка не было. В одиннадцать он не пришёл. Я ждал. Пришёл он около двенадцати... почти трезвый.

Но договор был твёрдый: нарушался режим – заканчивался эксперимент. Я не мог допустить, чтобы мой дом превратился в вытрезвитель. На следующий день мы расстались.

Начинались экзамены. Главный же был, пожалуй, сдан: наиболее трудный отрезок времени для нас обоих миновал.

Витя закончил школу. Поступил в ПТУ. Летом его удалось уговорить лечь в больницу...

Потом мы виделись редко. Года два назад я случайно встретил его на улице. Взрослый молодой мужчина, элегантно, модно, аккуратно одетый. Он говорил о своей работе на заводе, о своей девушке, о книгах, которые прочёл в последнее время. Было видно – не пьёт. До этого было по-разному, но вот уже года полтора, как все в порядке. Витя знал, что стоит ему начать пить, – все пойдёт наперекосяк, все будет по-другому.

Мы расстались спокойно, по-дружески. Я был рад встрече.

Прошло ещё немного времени, и мы встретились снова. Произошло худшее – Тиунов снова начал пить. Его уволили с работы. Он стал грузчиком в продовольственном магазине. Он точно оценивал ситуацию, в которой оказался, но ничего сделать не мог. Витя просил помочь ему устроиться на нормальную работу, но у меня не получилось. Вскоре я забыл о нём.

И вот несколько месяцев назад поздно вечером он позвонил мне. В трубке был пьяный душераздирающий крик: «А. А., помогите мне!» Я и сейчас, когда пишу, слышу его голос. Нет, с ним ничего особенного не случилось. Все продолжалось, и от этого ему стало страшно. Я

что-то спрашивал, что-то просил, что-то обещал. Но ничего не сделал. Витя Тиунов больше не звонил.

Мы иногда сладострастно ждём, чтобы к нам ученик напрямую обратился за помощью. Тут был крик о помощи. Но я ничего не сделал. Впервые я не смог или не захотел помочь, ничего не предпринял.

Возможно, эта история покажется кому-то обыкновенной хроникой одной патологии. Может быть. Я же написал её потому, что часто вспоминаю наш последний с Тиуновым телефонный разговор.

Мог ли я помочь ему? Не знаю. Нельзя объять необъятное.

Но всё-таки, мне кажется, я написал это прежде всего для того, чтобы хоть как-то извиниться перед ним.

Чирей

В двенадцать ночи раздался телефонный звонок. Звонил ученик, симпатичный парень, с которым у нас установились добрые, доверительные отношения.

Он звонил просто так, потому что не спал, хандрил; потому что болел чирей, выскочивший на ягодице.

Мы проболтали полчаса. В это время у меня дома был мой старый школьный друг. Узнав, кто и зачем звонил, он сказал: «Ну и фрукт, твой ученик. В такое время звонить учителю по поводу чирея на заднице – это, конечно, оригинально! Он далеко пойдёт. И ты с ним ещё нахлебаешься».

Прошло много времени, и он, к сожалению, оказался прав, мой старый школьный друг.

Некорректный вопрос

Моя первая школа считалась самой хулиганской в городе. Работала в две смены. И каждый раз дежурный учитель дожидался, пока дети уберут свои классы, все проверял, гасил свет и закрывал школу. В один из ноябрьских вечеров дежурным по школе был я. Всё шло нормально. Но в одном из классов меня ждал неприятный сюрприз.

На учительском столе сидело двое подростков лет по шестнадцать. В шапках и телогрейках. Они болтали с девочками-дежурными. Ребята были нетрезвые.

Я прибегнул к дипломатическим приёмам, что означает миролюбивое забалтывание. Мол, уже поздно, не лучше ли девочек на улице подождать: они быстрее уберутся, быстрее освободятся. Мои слова никто всерьёз не воспринял. Сказали, что «всё нормально», что девочки и так уберутся... В общем, я вышел из класса уверенный, что добром всё не закончится. Но я дал себе ещё один шанс.

Мне было двадцать два года. Это моя первая школа. Я нервничал. Надо было что-то придумать.

Через пятнадцать минут я зашёл в класс снова. Всё то же самое, только более шумно и развязно. Я повторил просьбу. «Ладно, сказали, ведь всё нормально, значит, нормально», – резче ответили парни.

Я стоял в классе рядом с ними. На меня никто не обращал внимания. Я уже не знал, что делать. Сурово, напряжённо смотрел, но понимал, что мой испепеляющий взгляд никого не волнует. Ребята наглели: послышался мат, нарочито громкий гогот. Один из парней грубо схватил девицу и обнял её. Она неактивно вырывалась: «Ну, кончай, вали отсюда, тебе говорят...»

Я подошёл к парню, взял его за локоть и неожиданно повторил: «Ну, тебе же сказано – вали! Не понял, что ли?!»

Он быстро повернулся, сбросил с плеч телогрейку и проорал мне в лицо: «Чиво?!»
Мне было двадцать два года. Это была моя первая школа...

Я схватил его за отвороты телогрейки, резко дёрнул к себе и потом со всей силы отшвырнул в дверь. Второй вскочил и бросился бежать... На лестнице он получил хорошего пинка.

Я вернулся в класс, девочки усердно подметали. Я закурил. Пальцы дрожали. Сердце учащённо билось.

Через несколько минут вышел на улицу. Парни стояли недалеко от школы. Неожиданно я позвал их, вернувшись к дипломатии. «А драться не будете?» Я наигранно рассмеялся.

Поговорили о человеческом достоинстве (вернее, это я мораль читал), потом о футболе (в поисках контакта), об их родном городе (в виде мелкого подхалимажа с моей стороны). Ребята снова нагтели... Расстались мы немиролюбиво.

Всю ночь я не спал. Думал. Правильно ли, что ударил? Правильно ли, что не сразу? Нужно ли было потом разговаривать? Не лебезил ли я?

На следующий день шёл в школу к первому уроку во вторую смену. По дороге снова думал, что теперь будет: или из школы выгонят, или вечером увижу тех же ребят, но с подкреплением.

Но я увидел их раньше, днём, у дверей школы. Они стояли вместе с какими-то незнакомыми старшеклассниками.

Я почувствовал себя неуютно и приготовился к разным неприятностям. Когда подошёл к ним, ребята неожиданно расступились, предоставив мне живой коридор.

Вдруг: «Здравствуйте, Анатолий Авраамович!» – с полуулыбкой и без агрессии произнёс вчерашний знакомый. «Здрасьте, здравствуйте», – уважительно донеслось от других. Я вошёл в школу, как триумфатор. Сразу успокоился, потом почувствовал прилив сил и на одном дыхании провёл все уроки.

Я понял, что завоевал у них авторитет. Я понял, что прошёл важное испытание.

...Вспомнилось, как в институте заставляли готовить план-конспект урока. Спрашиваем так, нам отвечают этак. Как-то от скуки спросил: «А если в ответ на ваше «так» вместо «этак» он просто пошлёт «на». Преподаватель сделал мне замечание и посчитал постановку вопроса некорректной. Думаю, он был неправ.

Судьба

В очередной раз меня, завуча школы, вызвали на урок литературы в 8«б». Там было «слишком шумно». Я зашёл в класс. Все встали. Сидел только один человек. Это был Гриша Степанюк. Он сидел за последним столом в центральном ряду. Одного стола ему было мало, он сдвинул два и, когда я вошёл в класс, с силой, стуча по их поверхности, отбивал какой-то ритм, и орал какую-то какофонию.

Когда класс встал, он перестал «играть», но продолжал полусидеть-полулежать на своём «музыкальном инструменте». По лицу блуждала сумасшедшая улыбка.

– Гриша, ты что? – спросил я.

– Симфонию исполняю, – пробурчал он, перебивая себя смехом.

– Ну, пойдём со мной. Надо ещё немного порепетировать. Я тебе помогу.

Класс засмеялся. Он тоже. Затем медленно выполз из-за стола и, похихикивая, шатаясь из стороны в сторону, задевая по дороге девчонок, пошёл за мной.

...Гриша Степанюк был на полтора года старше одноклассников. Ему было уже шестнадцать лет. Он был физически здоровый парень с крепкой репутацией хулигана. Учиться он не хотел и не мог. Это знали все учителя. Но должны были учить. И, на наше счастье (или

несчастье), Гриша мало пропускал занятия. Точнее, он мало пропускал школу, ибо уже после третьего урока становился неуправляемым. Высидеть урок совершенно не мог.

Его особенная психика объяснялась несложно. Мама была лишена родительских прав, отец жил в другой семье. Гриша жил с прабабушкой, которая, естественно, с ним не справлялась.

Когда ему было лет десять, мать выкрала его из школы, и несколько месяцев они скитались по поездам и вокзалам. В конце концов, мать погибла, и Гришу снова доставили в школу.

Часто на уроках на него «находило». Тогда он мог вставать, ходить по классу, колоть соседей иголкой, ругаться матом, исполнять «симфонии», одну из которых я услышал на уроке литературы. Однажды мне пришлось выводить его с урока. Степанюк невзлюбил одного учителя, рисовал на него везде шаржи и всячески издевался.

В тот день на его уроке Гриша «разбушевался» вовсю. Он ходил по классу, стучал палкой по столам и безудержно кривлялся. На доске был нарисован шаржевый портрет учителя, который он не давал стирать.

Классный руководитель отказалась идти в класс. Вызвали меня.

Когда я вошёл, Степанюк был уже невменяем. Я позвал его: «Гриня». Он пробасил из дальнего угла класса: «Чиво?» – «Гриня, ку-ку», – спародировал я популярных «неуловимых мстителей». Все засмеялись. Агрессия у него спала, но выходить из класса он не собирался. Я направился к нему вглубь кабинета, он – от меня. Так мы совершили «круг почёта» на глазах у веселящегося класса.

Наконец, он подошёл к окну (оно было открыто) и ухватился руками за карниз. Сзади я стал тихонько «отдирать» его. Он упирался. В конце концов, мне удалось оттащить его от окна. Гриша пассивно сопротивлялся, и вот так, волоком, я вытащил его в коридор. По дороге он что-то кричал, выл, «играл»...

Когда мы оказались вдвоём в коридоре, я оттолкнул его к стене и выдохнул устало-раздражённо: «Ну ты, Гриня, сегодня того...»

Он как-то сразу обмяк, посмотрел на меня долгим взглядом неожиданно совершенно осмысленных и грустных глаз и тихонько протянул: «Ску-ч-но».

...По рассказам ребят, Гриша погиб, когда пытался бежать из колонии. Многие уверены, что это – самоубийство.

Москва – Баку

*«Через Баку, через станции,
Через Ростов, назад, назад,
Туда, где Знаменка дымится
И пьшет Елисаветград!»*

Эдуард Багрицкий

Поначалу он ничем не выделялся, разве что умом. И то не демонстративно. Я ушёл из его школы, когда он учился в 10-м классе. Шёл 1980 год. Неожиданно у меня поинтересовались: «Вы не знаете, где Володя Савельев? Не заходил, не советовался?..»

Оказалось: Володя со своим приятелем сбежал из дома, из школы и поехал... в Афганистан. Их поймали в Баку, посадили в детприёмник в ожидании родителей, которым и передали беглецов с рук на руки.

Через пару дней мы встретились. «А ты на чьей стороне собирался сражаться?» – спросил я. От неожиданности он растерялся и ничего не смог ответить.

...Мы дружим до сих пор.

Жи́ды

Она не любила меня, эта учительница. И всех не любила. Жена полковника, она от скуки подрабатывала в школе учительницей домоводства. Известный школьный хулиган Игорьёк Сазонов, специально порвав куртку, ворвался к девочкам на урок труда, бросил её и попросил: «Девки, зашейте».

«Чего это ты здесь свою рвань раскидал?» – проговорила полковничья жена, брезгливо прикасаясь пальцами с ярко-красным маникюром к его одежде.

Не почувствовав взаимности, Игорьёк вынужден был покинуть помещение, бросив на ходу, что «пожидились даже пиджак зашить».

На следующее утро, в учительской раздевалке мне с возмущением рассказали вчерашний эпизод, где «ваш любимый хулиган Сазонов бегал по школе и кричал: «Жи́ды вы здесь все!..»

Я, конечно, провёл с Игорьком профилактическую беседу. Объяснил ему значение вульгарного и оскорбительного слова «жид». Это значит еврей, которому приписывают все отрицательные черты: трусость, хитрость, жадность... «Я что ж, по-твоему, трусливый, хитрый и жадный?!» – игриво спросил я Сазонова, для убедительности положив руку на его плечо. «Нет, – протянул он, и глаза его блеснули лукавством. – Вы не жадный и не трусливый, но Вы... хитрый!»

Пауза

В наш подростковый клуб приехало телевидение. К его приезду отнеслись спокойно. Главным образом потому, что раньше уже снимали. В тот, первый, раз ребят запечатлели «за работой», а взрослые на их фоне давали интервью. Теперь план был другим: вся передача строилась на монологах «трудных» подростков. При этом съёмки велись «на натуре»: в подвале, на фоне мотоциклов...

Режиссёр выспросил у меня нужную информацию и наметил «жертвы». Я же попросил его, чтобы каждый, кого будут «допрашивать» в подвале один на один с камерой, обязательно попал на экран.

Отобрали для монологов и семнадцатилетнего Виктора Буткевича. Он – старожил клуба, ещё из тех, кто разгребал подвал... Типичный «телогреешный» хулиган, жизнь которого почти целиком проходила в микрорайоне. Это был озорной, весёлый парень, матерщинник и драчун.

Витя, конечно, не Цицерон, и на вопросы отвечал односложно, не всегда сразу подыскивая нужные слова. Сказал мало, а плёнки «съел» много.

Перед выходом передачи в эфир мне позвонил режиссёр и сказал, что так, мол, и так, пришлось немного подсократить, кое-что порезали, и, в частности, не будет беседы с Буткевичем. Мы поругались, но ничего изменить я не смог.

Решил заранее предупредить Буткевича. А заодно и извиниться за то, что соблазнил на эту экзекуцию. Он воспринял все спокойно и даже попытался меня утешить: «Да вы не волнуйтесь. Все нормально».

Мне всё же удалось увидеть весь отснятый материал, без купюр. Когда мы смотрели интервью с Буткевичем, режиссёр заметил: «А всё-таки жалко, что редактор его вырезал. Посмотрите, как он здорово молчит, думает. Здесь самое интересное – его паузы».

– У тебя девушка есть?

– Есть.

– Она тоже в клубе занимается?

– Да.

- Скажи, пожалуйста, а ты думал, что, может быть, потом вы поженитесь?
- Буткевич улыбнулся, задумался. Камера застыла на его выразительном лице.
- Не знаю, – ответил он.

Через три месяца после начала службы в армии Буткевич приехал в отпуск домой, чтобы жениться на этой девушке. Спустя несколько месяцев у него родился сын. На следующий день сын умер.

В письме из армии Буткевич, как обычно, успокаивал меня: «Только вы не волнуйтесь. Ничего я здесь не «выкину». Все нормально».

Ещё через полгода его жена попросила развод. И Буткевич ещё раз приехал в отпуск...

- У тебя большая семья?
- Мать, два старших брата и сестра.
- Ладите?
- Конечно.
- А отец?

Некоторое время Витя молчал.

- Нету, – коротко ответил он.

Витин отец сидел дважды. И оба раза за хулиганство и туеядство. Дома устраивал пьяные дебоши. Когда мальчики были маленькими, они его, естественно, боялись. Но очень скоро научились утихомиривать.

После второй отсидки отца Витя видел его всего один раз. Они разговаривали во дворе, около их дома.

Сейчас отец живёт не в Москве. Женится. Со своими детьми от первого брака не общается.

- Что для тебя клуб?
- Второй дом.
- А может быть, первый?

Пауза...

- Нет, второй.
- Ну, а всё-таки: что дал тебе клуб?
- Хм... – самая долгая пауза, – если б не клуб, я никогда бы не пил чай в подвале, – наконец сказал он.

Мы действительно пили чай в подвале. Это стало традицией. Буткевич приходил в клуб практически каждый день и задерживался там допоздна. Это был его клуб, он был там хозяин. Он – в клубе, когда интересно и весело; он – с клубом, когда нужно бороться за его существование, выдерживая многочисленные проверки и недетскую нервотрёпку.

«Трудные» ребята щедры на добрые, хорошие слова. Часто от них можно услышать: «Если бы не Вы, если бы не тот случай...»

Вот и Буткевич говорит: «Если б не клуб, сидел бы, наверное...»

За полгода до его ухода в армию клуба не стало. Буткевич успел побывать в нескольких переделках. И когда ушёл в армию, я облегчённо вздохнул: ещё один, кажется, выкрутился.

...А недавно Витя Буткевич зашёл ко мне по делу. Попили чай, поговорили.

Перед уходом он как бы ненароком рассказал, что провёл эту ночь в милиции.

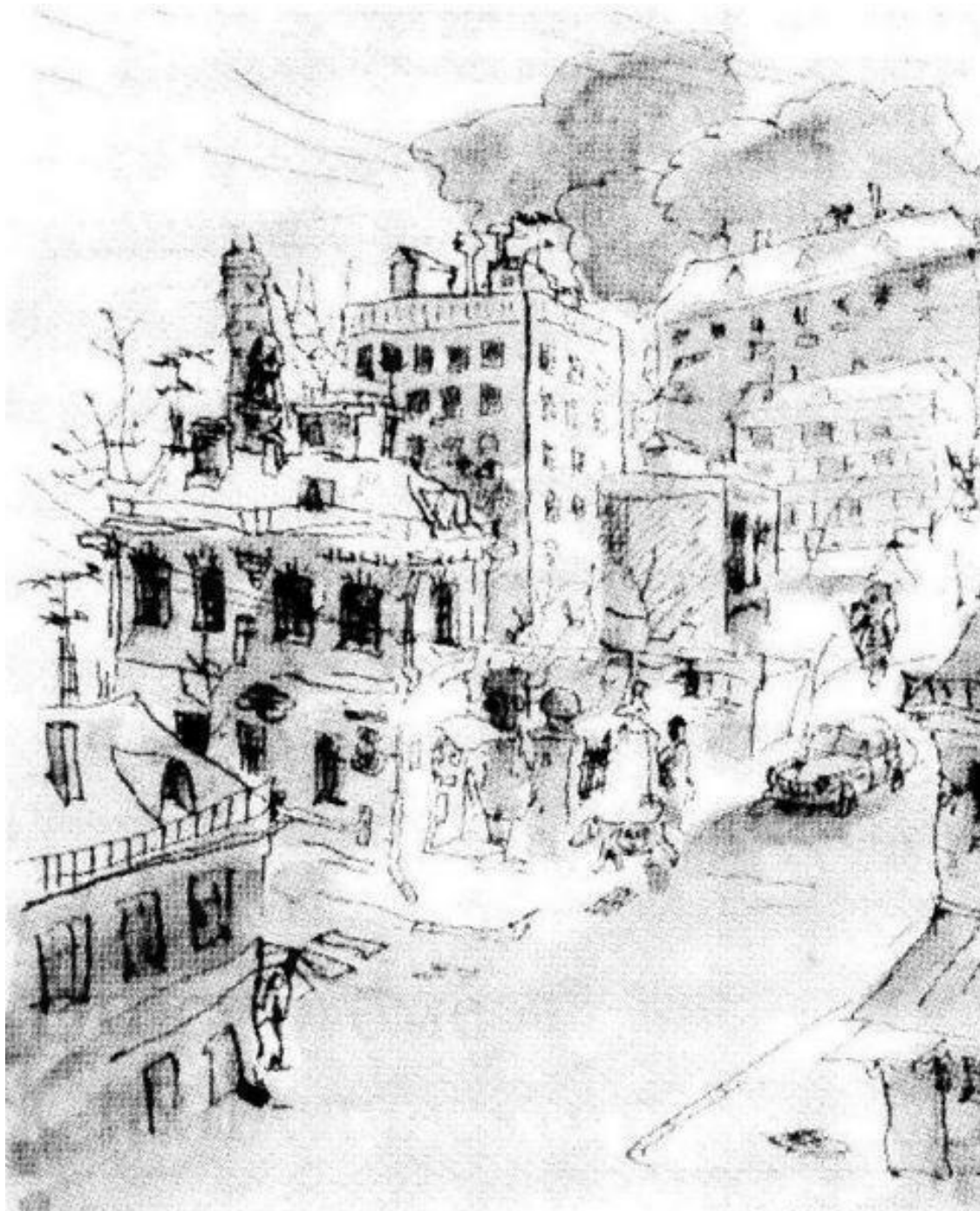
Увидев, что я помрачнел, Буткевич привычно стал успокаивать: мол, вы не волнуйтесь, не нужно в милицию ходить, все обошлось. Накануне они с приятелем немного погуляли от скуки, затем посидели в «абэвэгэдэйке» (Измайловском олимпийском комплексе). Ну, а потом зашли «на огонёк» к одной старой знакомой. Там была бывшая Витина жена, какие-то ребята, потом пришла милиция, и их всех забрали (где-то кто-то кого-то ограбил). Наутро провели опознания, разобрались, и их отпустили. Вот, собственно, и все.

Я немного помолчал, после паузы со вздохом сказал: «Знаешь, Витя, вот насчёт волнения я, к сожалению, тебе ничего обещать не могу. Пока не получается, дружище».

Он ушёл, а я достал старую записную книжку, нашёл телефон участкового и стал набирать номер...

По системе Станиславского

– Отцы-основатели, – объяснил он, – в своей бесконечной мудрости рассудили, что дети – противоестественная обуза для родителей. Поэтому они создали тюрьмы, именуемые школами, и дали нам орудие пытки, именуемое образованием. В школу вас отдают, когда родители уже не могут справиться с вами, а идти работать вам ещё рано. Я – платный надзиратель за общественными отбросами, за слабыми, хромыми, ненормальными и умственно отсталыми. И я могу дать тебе один-единственный совет: пока не поздно, возьми за ум и выучись чему-нибудь, иначе будешь таким же ничтожеством, как я, и придётся тебе идти в учителя, чтобы заработать на жизнь... Не желаю тебе этого, мальчик. Хоть ты мой злейший враг, я тебе этого не желаю.
Джон Андайк. «Кентавр»

По системе Станиславского

Раннее утро. Спать хочется – сил нет. С трудом встаёшь. Вяло умываешься. Имитируешь завтрак. Пытаешься вспомнить, что сегодня надо сделать. Медленно включаешься.

На улице думаешь о первом уроке, неприятном разговоре с химичкой, о том, что в «окно» надо побывать на уроке физкультуры. На седьмом – факультатив. Может, отменить сегодня совет школы? Господи, эта жаба из РУНО должна припереться...

Идёшь медленно, устав прямо с утра. Сутулишься. Позёвываешь: не то действительно не выспался, не то от какого-то внутреннего волнения.

Входишь в микрорайон школы. Непроизвольно выпрямляешься. Чувствуешь лёгкую бодрость. Вот идёт пигалица из 6«а»: «Здравствуйте» – «Здравствуй». О, появились как грибы: «Добрый день», «Здравствуйте», «Доброе утро»...

Из школьного двора глаз цепляется к «грибку» – курят... заметили... Хорошо.

Вот и коллеги: «Здравствуйте, здравствуйте»... «Привет». Хорошо.

Жаловаться начнут в учительской раздевалке. Дежурит 10«а». Господи, теперь и тебя будут заставлять вытирать ноги и тупо шутить о сменной обуви. Дорвались.

К директору зайду на большой перемене. Ага, наши пошли. «Шурик, на ключ. Открой класс, пусть ребята заходят». (Самому предстоит идти в учительскую. Новое поветрие: журнал у завуча надо брать. Лично. Как будто у меня в журнале что-нибудь можно сделать. Самоубийц нет.)

О-хо-хо... коллеги. «Приветствую. Деньги у меня собирает староста. Да, и с дежурством к нему... Нет, не такие самостоятельные. Просто я – ленивый».

Первый звонок – всем на урок. Сейчас начнут опаздывать: и те, и другие. Не ко мне, конечно. А я буду стоять в дверях собственного класса и ждать...

Все, слава Богу. Дверь закрыл. Подошёл к столу. Все встали. «Добрый день. Садитесь. Итак, сегодня мы с вами...»

Шесть уроков, как один: «Дело Дрейфуса», «Путешествие Колумба», «Реформы 60-х годов XIX века в России». И я не менее страстно, чем Золя, защищаю несчастного французского офицера, открываю все, что попадалось на пути великому испанскому мореплавателю, постигаю всю глубину ограниченности буржуазных реформ и всю непреодолимую притягательность либеральных идей.

И где моя домашняя утренняя усталость? Ведь сил не было совсем. И откуда им взяться? А тут шесть часов держал в напряжении эту непростую аудиторию. Лицедействовал «на все сто».

Как же это получается? А вот так, просто, по системе Станиславского.

Перерыв. Почувствовал лёгкую утомлённость в буфете. Всех, кто мешал наслаждаться школьной пищей и восполнять скудными калориями растраченную за день энергию, выгнал. Ем спокойно, но надо торопиться на факультатив (может, не придут?!) Слегка в сон потянуло. На третий этаж взошёл – как рукой сняло.

Кстати, вспомнил: сегодня в четыре старшекласники позвали в баскетбол поиграть. Ладно, форму где-нибудь достану, и кроссовки кто-нибудь из ребят даст. Поиграем.

...Захожу в зал. Парни штангу тягают. Бог в помощь. А они мне: не хотите ли попробовать, или как? Слабо, историк? Конечно, слабо: она, наверное, за сорок килограмм весит. Я её и двумя руками не подниму. Но вызов брошен. И, конечно, принят. «Чего её тут поднимать. Если только одной рукой». «Ха-ха»...

«Ну-ну... Так. Расступитесь. И тихо!» Центр тяжести нащупал, подёргал. Сконцентрировался. «Ма-ма» – штанга взлетела чуть ли не к потолку. Несколько секунд подержал – «але-оп». Вот так-то, пацаны.

На следующий день, когда никого не было, зашёл в физкультурный зал. С трудом взял мою вчерашнюю штангу на грудь двумя руками и не до конца толкнул. А вчера как же? Просто: по системе Станиславского.

...Вечером дополз до дома. Сымитировал ужин. Включил телевизор. Тупо уставился. Уроки делать? Нет уж, только не сейчас. Может быть, утром?

На ночь книжечку почитал и спать. А утром... Спать хочется – сил нет. С трудом встаёшь...

Ну, дальше вы знаете: просто – по системе Станиславского.

Тест

У меня в школе был своеобразный тест. Я специально убирал мел и вызывал ученика к доске: то план ответа написать, то какую-нибудь хронологию или схему. А сам за столом сижу, урок веду, к доске не поворачиваюсь.

Так вот обозначились три манеры поведения ученика у доски без мела.

Один будет стоять, молчать, до тех пор, пока не обернёшься и не удивишься, почему не пишет. Вот тут он и скажет: «А мела нет».

Другой сам сразу заявит, что мела нет, но в интонации его будет претензия и требование обеспечить орудием производства...

А третий, увидев, что мела нет, заявит об этом уже около двери, на ходу, для формальности, испросив разрешения за ним сходить.

Три человека – три характера, три уровня самостоятельности.

Двуличие

После уроков ко мне зашли восьмиклассники и обратились со странной просьбой: «Скажите учителям, что мы вас не боимся». Я попытался отшутиться. Не получилось. Выяснилось: учительница на предыдущем уроке сказала, что они слушаются только того, кого боятся (например, меня). А остальным хамят. Поэтому они лицемеры и трусы.

Я сам нередко слышал упрёк своему классу: «При вас они – одни, а без вас – совсем другие». Имелось в виду, что при мне, классном руководителе, дети ведут себя хорошо, а когда меня нет – плохо.

Эх, как меня обижали и расстраивали эти «сочувственные доносы» коллег на детей. Как мне хотелось, чтобы мои ученики всегда «держали марку».

Я вёл с ними длинные разговоры – объяснял, упрекал, просил. Иногда прибежал к крайнему средству: «Что же вы меня подводите?»

Сейчас-то совершенно ясно, что дети и не думали обо мне, когда, пользуясь моим отсутствием, разговаривали во время экскурсий, съедали чужой завтрак в буфете, грызли семечки и сорили в школьном коридоре, плохо вели себя на неинтересных, скучных уроках. Причём здесь я?

Они живут своим особым, *нормальным*, миром. Это в основном мир эмоций, беззаботного, но одновременно драматического познания жизни. Мы же пытаемся навязать им свои правила. Они умеют подыгрывать, чтобы не обидеть нас, но – чаще – чтобы избежать неприятностей. Так вырастают дети, скрывающие свои истинные чувства, дети-приспособленцы.

Сколько раз можно принимать лояльность за воспитанность, имитацию – за общественную активность? Называть инфантильность – распушенностью, естественность – хамством, разборчивость – двуличием? Именно в двуличии обвинялись мои дети, превращавшиеся из вежливых со мной в грубых без меня, из работоспособных на моих уроках в ленивых на некоторых других, из великодушных и терпимых к моим резким замечаниям в нетерпимых к выговорам и упрекам коллег.

«Как аукнется – так и откликнется» – каждый ребёнок развернётся к тебе той стороной, которой ты его к себе развернёшь. Одни говорят об ученике: пижон, трепло, пустышка; другие о нём же – живая душа, автор неплохих стихов.

Один из них говорил мне, что я всегда думал о нём настолько лучше, чем он есть, что было неудобно меня разочаровывать – приходилось быть лучше.

Удивительно сладострастны бывают учителя, выискивающие отрицательные стороны у своих учеников. Педагогическую аксиому – в детях надо видеть лучшее – до сих пор приходится доказывать.

Хотим мы или нет, но любая школа авторитарна – в том смысле, что весь процесс воспитания основан на авторитете учителя, его личности. И я не смею оскорблять своих учеников подозрениями в неискренности.

Их «двуличие» – мой успех. Их «двуличие» означает только лишь, что у них появилось ещё одно лицо. И я рад, что оно лучше.

Низёнько-низёнько

Помните армейский анекдот: солдат спрашивает у старшины: «Крокодилы умеют летать?» «Ты чё? Сдурел, что ли? – отвечает тот. – Крокодилы не летают». «А вот товарищ полковник говорит – летают», – не унимался солдат. «А-а, – протянул старшина, – ну может быть, может быть... Только низёнько-низёнько».

...1982 год. После литературы 10«б» ввалился ко мне на историю. Обычная толчея около учительского стола. Один из ребят спрашивает: «Правда, что у солженицыновского Ивана Денисовича мещанская философия: то пайку зажмёт, то закосит?...» «Да вы что? Кто вам такую ерунду сказал?» «Ольга Николаевна, только что, на уроке». «А-а... («низёнько-низёнько...»)). Знаете, я думаю, что лучше один раз самим прочитать и иметь собственное мнение».

Спустя несколько месяцев в одном из анонимных писем сообщалось, что учитель истории настоятельно рекомендует читать романы Солженицына. Поистине, дыма без огня не бывает.

Мечта

Наверное, только учительская профессия позволяет почувствовать себя настоящим добрым волшебником. Как-то один десятиклассник эпохи перестройки признался, что мечтает о «драймартини». Для него этот загадочный, таинственный «драймартини» был настоящей мечтой его жизни. Я купил бутылку сухого мартини и угостил его. Так была осуществлена заветная мечта.

«Ну, а какая будет следующая?» – спросил я. Он помолчал и после небольшой паузы ответил: «Надо подумать...»

Собака Робеспьера

Я никогда не был доволен результатами выпускных экзаменов своих учеников. И сначала даже не понимал, почему они так плохо отвечают. Ведь объясняю хорошо, дисциплина на уроках отличная, в глазах учеников неподдельный интерес, во всех рейтингах как учитель занимаю ведущие места. В чём же дело? Вскоре стало понятно: не хватает системной методики, чёткой программы. Но до них я так и не дорос: не успел.

Вообще-то до 91-го года преподавать историю было объективно трудновато. Про себя я называл свои уроки – историей с интонацией. Там намекнёшь, тут подмигнёшь, многозначительно промолчишь или проговоришь соответствующий текст с такой иронической интонацией, что пара-тройка глаз от писанины конспектов оторвётся и весело, понимающе на тебя взглянет. Что ж, как говаривал взводный, цель поражена.

Один умный, но несдержанный на язык (как и его учитель) старшекласник как-то даже пошутил насчёт магнитофона, на который можно записать уроки и отослать куда следует...

Эта шутка стоила нам дружеских отношений. Я не пускал его на факультатив, говоря, что не хочу собственными руками выращивать ещё одного штатного пропагандиста.

Тогда важно было не новую методику придумать, а побольше успеть сказать, заставить задуматься о чём-то важном, но недосказанном, услышать между фразами. И, естественно, заинтересовать историей (хотя чаще всего собственной персоной!).

Уроки приобретали характер театральной постановки. Ликвидировалась традиционная классная «рядность» и выстраивались новые мизансцены. Вместо наглядности появлялись декорации. Использовались музыка и костюмы.

Я позволял себе сопровождать рассказ о путешествии Колумба испанским аккомпанементом своей гитары, рассказывать о Пастернаке при свечах, включать фонограмму «Пугачёва» в исполнении Высоцкого и Есенина. Устраивать заседание дореволюционной Государственной Думы, которое больше походило на шумный израильский кнессет.

Но особенно ценным было проявление, иногда неожиданное, детского творчества. Так, в седьмом классе для тренировки устной речи я предложил записывать ответы на заданные вопросы дома на магнитофонную плёнку, а в школу приносить мне для прослушивания кассеты. Каково было моё удивление, когда почти каждая запись была снабжена весёлым комментарием, больше похожим на конферанс, или фонограммой. То под «тяжёлую музыку» шли в бой немецкие псы-рыцари, то рассказ о Куликовской битве прерывался «конским топотом», то вдруг в конце ответа вместо финальной точки слышался сатанинский смех Майкла Джексона из популярного видеоклипа.

Особенную радость доставил урок по Великой Французской революции (к слову сказать, программа восьмого класса всегда удручала: как можно было всерьёз с четырнадцатилетними советскими школьниками говорить о декабристах, Герцене, славянофилах, народолюбцах, Французской революции, Пушкине и Гоголе?!). Итак, я попросил для итогового урока выбрать роли: Людовик XVI, Мария-Антуанетта, Лафайет, Мирабо, Бриссо, Робеспьер, Дантон, Сен-Жюст... И, по возможности, сделать для персонажа свой костюм. Или иметь при себе какую-нибудь отличительную деталь.

«Гроссмейстеры не баловали обилием дебютов»: у Людовика на голове была бумажная корона, Шарлотта Корде держала в руке перочинный ножик, а Марат натянул на голову теннисную повязку.

Поразил Робеспьер. Он поставил на стол перед собой маленькую фарфоровую фигурку какой-то собачонки забавной породы. И пояснил свой символ. Оказалось, собака – единственный друг Робеспьера, символ одиночества французского революционного диктатора.

В тот день, на том уроке, мне показалось, что я наконец-то чего-то добился. «Лёд тронулся»... Но оказалось, это – всего лишь одна из наших совместных театральных постановок. Актёры плохо знали свои роли и очень скоро после спектакля забыли их совсем.

Все последние годы урок стал для меня лишь процессуальным обязательством: менее эмоциональным, скупым на лирические отступления, с периодическими письменными заданиями для самостоятельной работы на пол-урока, а то и на весь урок.

Центр тяжести перенёсся на факультатив, потом политклуб, затем спецкурс. Но факультатив стал репетиторством, политклуб – аполитичным общением за чашкой чая, а спецкурс, на который я приглашал популярных гостей, клубом интересных встреч. Основная же учёба шла во время прогулок по Бульварному кольцу, в беседах о прочитанных книгах и просмотренных фильмах, в общении у меня дома.

Говорят, что нужно раз пять повторить в разных формах информацию (к которой ученики не питают специального, самостоятельного интереса), чтобы её по-настоящему запомнили. С последним классом я смог пройти три круга – в 7-м, 10-м и после школы. А дальше, возможно, у всех участников закружилась голова.

И финал получился почти по Хармсу: «Извините, театр закрывается, нас всех тошнит».

Гений

Учитель биологии рассуждал о феномене гениальности. На первой парте сидел известный поклонник рок-н-ролла Валера Семага и как всегда напевал и наигрывал про себя какой-то очередной хит. Вдруг он произнёс: «Все гении, знаете ли, немножко того (он покрутил рукой у виска) – ку-ку».

Учитель прервался, пристально посмотрел на Семагу и с уверенностью сказал: «Валера, ты – гений!»

Дурная привычка

В детстве я почему-то жутко стеснялся слова «гибрид»: краснел, напрягался... Потом понял причину – по какой-то непростой ассоциации оно напоминало другое слово – «еврей».

...У входа в школу на большой дождевой бочке белой краской было крупно выведено: «Еврей – жопа». Это была первая школа, куда меня направили работать по распределению.

Первого сентября на уроке в четвёртом классе, назвав свои имя, отчество и фамилию, для верности решил записать их на доске. За спиной волной пронёсся шёпот: «Немец, немец, немец...» Возможно, я был первым «живым евреем», которого здесь увидели.

Бытовой антисемитизм отличается от других разновидностей тем, что люди и слова такого не знают. Они с детства привыкли: есть русское «жидиться» – означает «жадничать», а «еврей» – бранное, обидное, но цензурное слово.

В первой своей школе мне пришлось часто замещать уроки других предметников, и поэтому я, помимо «своей» истории, вёл ещё литературу, английский язык, а полгода – даже пение и физкультуру. Спортивного зала в школе не было, и занятия проводились бесхитростно: брали мяч и шли играть в футбол.

А там – как кто не так пас отдал – сразу крик: «Ну, что ты по-еврейски играешь!»; промазал по воротам – «Ты чего, еврей что ли?»

Попотели мы так часок однажды в футбол, сели на травку в кружок, дух переводим. – Ну что, ребята, хорошо поиграли? – Нормально, отлично... – Я вам компанию не испортил? – Нет, что вы. – Ничего у меня получается? – Здорово. Во! – кто-то поднимают большой палец вверх.

– А я – еврей, ребята, – неожиданно говорю я.

– ?!

– А при чём здесь... – ребята явно смутились моим заявлением.

– Как причём? Я – еврей. Следовательно, играю «по-еврейски». А это, как я понял, у вас значит – плохо.

– Да это ж мы просто так. Ну, присказка такая. Привычка...

– Дурная, – добавил я.

Вскоре в этой школе вместо привычной поговорки «хитрый, как сто евреев» стали говорить «хитрый, как сто китайцев». «Живого китайца» здесь пока ещё не видели.

Знакомая учительница объясняла классу: «Ребята, еврей – это такой человек». Ведь для большинства – это оскорбительный ярлык, который приклеивается к любому, независимо от его национальности.

В детской же среде национальный вопрос всегда имел чисто «прикладное» значение. То есть, если ты плохой человек, то вдобавок жид, кацап, хохол, чучмек. А если хороший, никого твоя национальность не волнует.

И сейчас фактически так... да не так. Подрались два восьмиклассника. Не подрались даже, так, потолкались, повозились. Повод у них был вполне конкретный – «сам дурак».

За одного вступились, другого обозвали. Когда я зашёл в учительскую, межнациональный конфликт был в разгаре. Вокруг свидетели, очевидцы, сторонники и противники. Одного дерущегося обвинили в антисемитизме. Он же, сняв очки и размазывая слёзы, кричал: «А какое он имеет право душить русского человека?!» Кто-то предложил в этот же вечер собрать чрезвычайное родительское собрание. О факте драки и её первоначальных мотивах никто не вспоминал. Школа стояла на грани межнациональной войны.

В тот раз пронесло. Непродуманные эмоциональные решения были отменены. К концу дня дети общались между собой вполне по-приятельски и беззаботно.

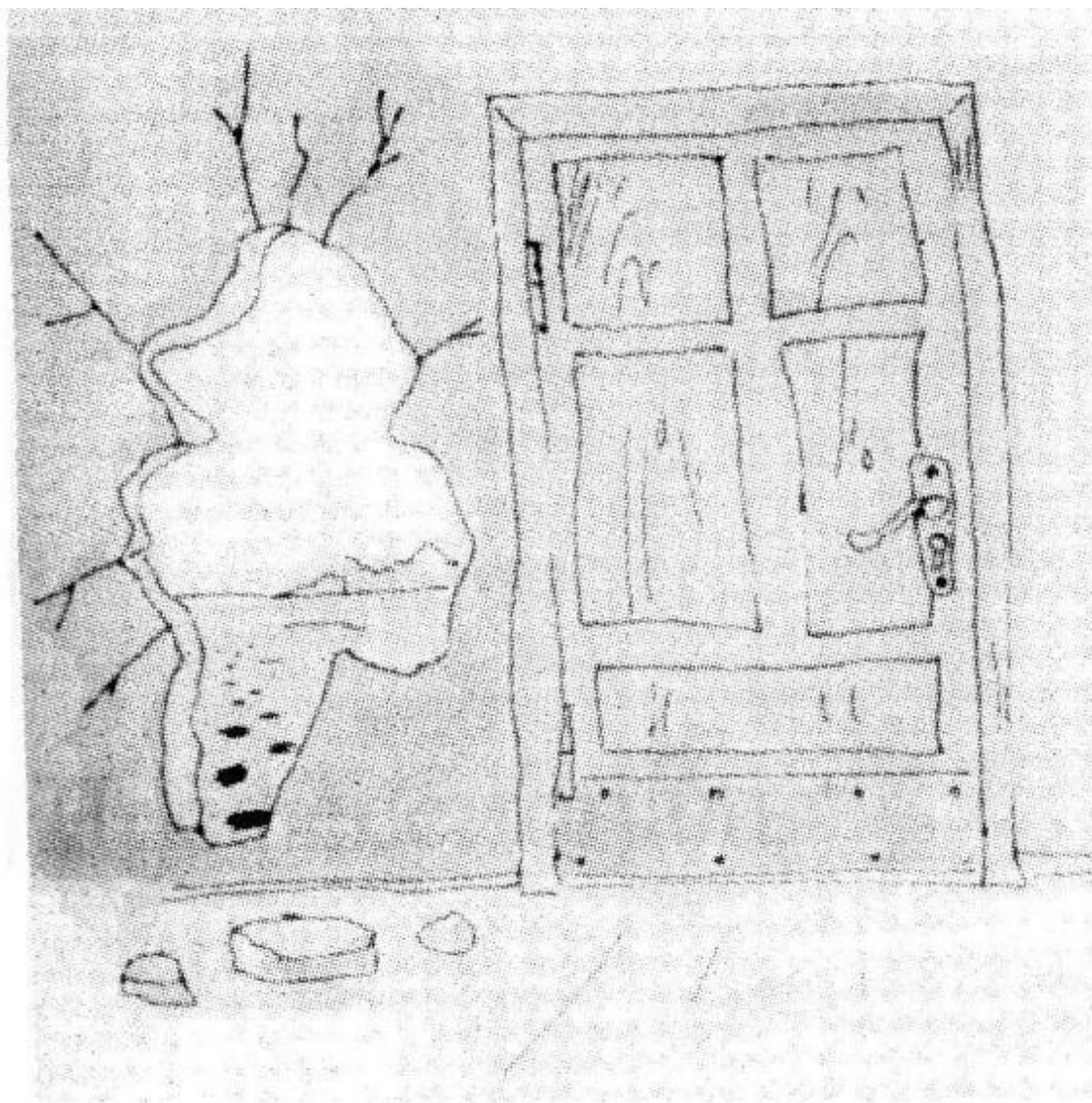
...Мы сидим у меня дома. Несколько ребят последнего выпуска. Белорус, украинец, русский, еврей. Как всегда, подшучиваем друг над другом, над другой национальностью. Просто, весело и уж совсем не обидно. Как смеются над собой в своих фильмах грузины, как не раздражает, а трогает душу самоирония героев бабелевских рассказов!

Нам хорошо в нашем «интернационале». Мы по-прежнему по-детски делим людей на хороших и плохих, умных и глупых, добрых и злых. А национальность?.. Это для паспорта.

Нужно ли лезть в душу?

Я считаю, что, хотя и следует одалживать себя посторонним, отдавать себя нужно только себе самому... В тех случаях, когда меня всё-таки заставляют браться за чужие дела, я обещаю, что возьму их в свои руки, но не в лёгкие и не в печень.

Мишель Монтень. «Опыты»

Профессионалы и дилетанты

Страну нашу, так же часто, как матом, обзывают полем чудес, страной дураков и дилетантов. Наступила эра компетентности, эпоха профессионалов, «век-волкодав». Даже анекдоты на тему редки. Вот один. Колония ёжиков быстро-быстро пробежалась по полю и остановилась на краю. Выходит главный ёж и восклицает: «Ёжики, мы вытоптали всё поле, мы подняли тучи пыли...» Все ёжики в едином порыве: «Да-а-а!» Главный ёжик: «Значит мы – кони!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.